

1918 годъ.

Цѣна 70 к. На жел. дор.—85 к.

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

№ 2 (8)

И ЕДИНЕНІЕ

Годъ II.
Изданія

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

Подъ редакціей В. Г. Черткова.

Адресъ: Москва, Тверская, Благовѣщенскій пер., д. 5, Издательство «Свобода», въ Контору (или Редакцію) «Единеніе».

Картины «Единенія» № 14.

Передъ казнью.
Картина И. Е. Рѣпина.

См. стр. 64

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

и

№ 2 (8)

ЕДИНЕНИЕ

ГОДЪ II
ИЗДАНИЯ II

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

Подъ редакціей В. Г. Черткова.

Адресъ: Москва, Тверская, Благотѣлскій пер., д. 5, Издательство «Свобода», въ Копію (или Редакцію) «Единеніе».

СОДЕРЖАНИЕ. ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО. Противъ смертной казни (Мысли и диалогъ изъ «Дѣтской мудрости»). Какъ революционеръ. ЕДИНЕНІЕ ИЛИ Стихотвореніе *.* * Писемная исповѣдь. — В. Чертковъ. О террорѣ — *.* * Зачѣмъ е о ибѣ. — В. Чертковъ. Помоги Толстому. — *.* * Два убійства. — 1. Теневаячь. «Не убій». *.* * Неужели слова. — Н. Гусевъ. Время испытанія. — Толстой объ убійствѣ. — М. Рубинъ. Отказъ отъ разстрѣла рабочихъ. — В. Чертковъ. Итальянскіе епископы и народъ. (Продолженіе). — *.* * Изъ жизни: На углу. — 1. Кондратьевъ. Деревенская жизнь. — Хрошкя. 1. Отрядный случай. 2. Въ вегетарианской столовой. 3. Лекція Н. Н. Гусева. — Собранія. — Отъ Редакціи.

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО.

Противъ смертной казни *).

1.

Всталъ въ 7-мъ часу и поѣхалъ смотрѣть на экзекуцію. Толстая, бѣлая, здоровая шея и грудь. Цѣловала Евангеліе и потомъ—смерть. Что за безсмыслица. Сильное и не даромъ прошедшее впечатлѣніе. Я не политическій человѣкъ. Мораль и искусство, я знаю, люблю и могу... Гильотина долго не давала спать и заставляла оглядываться.

(Дневникъ 6 апрѣля 1857 г. Парижъ).

2.

Въ близости мою въ Парижѣ видѣ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то и другое вразъ застучало въ виски, я понялъ—не умѣю, а вѣсѣмъ существомъ—что никакія теоріи разумности существующаго прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ по какому бы то ни было теоріямъ съ сотворенія міра находили, что это нужно,—и

*.) Помѣщенный здѣсь мысли Л. Н. Толстого, выбранныя нами изъ разныхъ его писаній на тему о смертной казни, почти всѣ были уже напечатаны въ свое время въ некоторой свѣтѣ цитированы П. И. Вирюновымъ въ его биографіи Л. Н. Толстого (т. 1, и II), другия помѣщены въ уже издававшихся въ настоящее время произведеніяхъ Л. Неча. И только одна изъ «Дѣтской мудрости» печатается въ Россіи впервые. Она напечатана была въ «Посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ», подъ ред. В. Г. Черткова, издававшихся въ Берлинѣ въ 1912 г.).

Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что многимъ изъ читателей мысли эти мало или совсѣмъ незнакомы и что напоминаніе о томъ, что думалъ и переживалъ Л. Н. Толстой по поводу этой все еще сохощей мысли, чѣмъ когда либо, изъ нашей общественной жизни особенно умѣстно въ настоящую минуту. (Ред.).

знаю, что это не нужно, что это душно и что поэтому судья тому, что хорошо и что душно—не то, что говорить и дѣлать люди, и не прогрессъ, а и съ своимъ сердцемъ.

(«Исторія» 1880 г.).

3.

Вы вѣрно слышали про страшную исторію похищенія въ Пензѣ двухъ крестьянъ изъ 7, приговоренныхъ къ этому за то, что они убили управляющаго, убившаго одного изъ нихъ. Это было въ газетахъ и даже при томъ освѣщеніи, которое дано этому правительственными органами, возбуждаетъ страшное негодованіе и отвращеніе, особенно въ насъ, русскихъ, воспитанныхъ въ свѣданіи того, что смертная казнь не существуетъ въ нашемъ законодательствѣ. Помню, сколько разъ молодымъ человѣкомъ я гордился этимъ, теперь же, съ нынѣшняго шествіанія смертная казнь получила у насъ права гражданства и безъ всякаго суда, т. е. съ подобіемъ его.

(Изъ письма 7 авг. 1890 г.).

4.

Смертная казнь представляетъ самое отвратительное дѣлательство того, что наше общество не имѣетъ въ себѣ ничего христіанскаго.

(Кружокъ Читеня, 1904 г. На 4 томѣ).

5.

О томъ, какъ на меня подѣйствовало 1-е марта *) не могу ничего сказать опредѣленнаго, особеннаго. Но судъ надъ убійцами и готовящаяся казнь произвели на меня одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній моей жизни. Я не могъ перестать думать о нихъ, но не столько о нихъ, сколько о тѣхъ, которые готовились участвовать въ ихъ убійствѣ, и особенно Александрѣ III. Мнѣ такъ ясно было, какое радостное чувство они могли испытать, просясь ихъ. Я не могъ вѣрить, что ихъ казнятъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣлъ и мучался за нихъ и за ихъ убійцъ.

*) 1881 г. (Убіеніе Александра III).

Помню, съ этой мыслью я послѣ обѣда легъ внизу на кожаномъ диванѣ и неожиданно задремалъ и во снѣ, въ полуснѣ подумалъ о нихъ, о готовящемся убійствѣ и почувствовалъ такъ ясно, какъ-будто это все было наяву, что не ихъ, а меня казнить и казнить не Александръ III съ палачами и судьями, а я же и казню ихъ, и я съ кошмарнымъ ужасомъ проснулся.

(Изъ письма 3 марта 1908 г.)

6.

Долженъ сказать, что приговоры одними людьми другимъ къ смерти и еще другимъ къ совершению этого поступка, смертная казнь всегда не только возмущала меня, но представлялась мнѣ чѣмъ-то невозможнымъ, выдуманымъ, однимъ изъ тѣхъ поступковъ, въ совершеніе которыхъ отказываешься вѣрять, несмотря на то, что знаешь, что поступки эти совершались и совершаются людьми. Смертная казнь какъ была, такъ и осталась для меня однимъ изъ тѣхъ людскихъ поступковъ, свѣдѣнія о совершеніи которыхъ въ дѣйствительности не нарушаютъ во мнѣ сознанія невозможности ихъ совершенія.

Я понимаю, что подъ вліяніемъ минутъ раздраженія, злобы, мести, потери сознанія своей человѣчности человѣкъ можетъ убить, защищая близкаго человѣка, даже себя, можетъ подъ вліяніемъ патристическаго, стаднаго внушенія, подвергая себя смерти, участвовать въ совокупномъ убійствѣ на войнѣ. Но то, чтобы люди спокойно, въ полномъ обладаніи своихъ человѣческихъ свойствъ могли обдуманно признавать необходимость убійства такого же, какъ они, человѣка и могли бы заставлять совершать это противное человѣческой природѣ дѣло другихъ людей,—этого я никогда не понималъ. Не понималъ и тогда, когда въ 1886 году жилъ своей ограниченной, эгоистической жизнью.

(Изъ письма 24 мая 1908 г.)

7.

... Я увидалъ тѣ разсужденія въ катехизисахъ и научныхъ книгахъ, распространяемыхъ миллионами, въ которыхъ объясняется необходимость, законность убійства однихъ людей по волѣ другихъ. Такъ, въ катехизисѣ, по случаю шестой заповѣди: не убій,—люди съ первыхъ же строкъ научаются убивать:

«В.—Чѣмъ запрещается въ шестой заповѣди?»

«О.—Убійство или отнятіе жизни у ближняго какимъ бы то ни было образомъ.»

В.—Всякое ли отнятіе жизни есть законопреступное убійство?

О.—Не есть незаконное убійство, когда отнимаютъ жизнь по должности какъ-то: 1) Когда преступника наказываютъ по правосудію. 2) Когда убиваютъ непріятели на войнѣ, за государя и отечество.

В.—Какіе случаи относятся могутъ къ законопреступному убійству?

О.—Когда кто укрываетъ или освобождаетъ убійцу.

Въ научныхъ же сочиненіяхъ двухъ сортовъ: въ сочиненіяхъ, называемыхъ юриспруденціей, съ своимъ уголовнымъ правомъ и въ сочиненіяхъ, называемыхъ чисто научными, доказывается то же самое еще съ большей ограниченностью и смѣлостью. Объ уголовномъ правѣ нечего и говорить: оно все есть рядъ самыхъ очевидныхъ софизмовъ, имѣющихъ цѣлью оправдать всякое насилие человѣка надъ человѣкомъ и самое убійство. Въ научныхъ

сочиненіяхъ, начиная съ Дарвина, ставящаго законъ борьбы за существованіе въ основу прогресса жизни, это самое подразумевается. Нѣкоторые же *enfants terribles* *) этого ученія, какъ знаменитый профессоръ Іенскаго университета Эрнстъ Геккель въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Естественная исторія міротворенія“, евангеліи для невѣрующихъ, прямо высказываетъ это: „Искусственный подборъ оказываетъ весьма благотворное вліяніе на культурную жизнь человѣчества. Какъ велико въ сложномъ ходѣ цивилизаціи, напримѣръ, вліяніе хорошаго школьнаго образованія и воспитанія! Какъ искусственный подборъ, и смертная казнь оказываетъ такое же благотвѣтельное вліяніе, хотя въ настоящее время многими горячо защищается, какъ „либеральная мѣра“ отъ смертной казни, и во имя ложной гуманности приводится рядъ вздорныхъ аргументовъ. Однако на самомъ дѣлѣ смертная казнь для громаднаго большинства несправедливыхъ преступниковъ и негодяевъ является не только справедливымъ возмездіемъ для нихъ, но великимъ благодѣяніемъ для лучшей части человѣчества, подобно тому, какъ для успѣшнаго разведенія хорошо культивированнаго сада требуется истребить вредныя сорняки травы. И точно такъ же, какъ тщательное удаленіе зарослей принесетъ полевымъ растеніямъ больше свѣта, воздуха и мѣста, неослабное истребленіе всѣхъ законенныхъ преступниковъ не только облегчитъ лучшей части человѣчества „борьбу за существованіе“, но и произведетъ выгодный для него искусственный подборъ, такъ какъ такимъ образомъ будетъ отнята у этихъ выродившихся отбросовъ человѣчества возможность наследственно передать человѣчеству ихъ дурныя качества.“

И люди читаютъ это, учатъ, называя это наукой, и никому въ голову не приходитъ сдѣлать естественно представляющійся вопросъ о томъ, что если убивать дурныхъ полезно, то кто рѣшитъ: кто вредный? Я, напримѣръ, считаю, что хуже и вреднѣе г-на Геккеля я не знаю никого. Неужели мнѣ и людямъ однимъ со мной убѣжденій приговорить г-на Геккеля къ повѣшенію? Напротивъ, чѣмъ грубѣе заблужденіе г-на Геккеля, тѣмъ больше я желалъ бы ему образумиться и ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы его лишить этой возможности...

(Изъ письма 24 мая 1908 г.)

8.

Казненныхъ пропасть, и убійства... Да, это не звѣри: назвать звѣрями—клевета на звѣрей,—а много хуже.

(Дневникъ 1909 г. янв. 11.)

9.

Ужаснѣе всего то, что дѣлается это **) не по увлеченію, чувству, заглушающему умъ, какъ это дѣлается въ драбѣ, на войнѣ, въ грабежѣ даже, а напротивъ, по требованію ума, разсчета, заглушающаго чувство. Этимъ-то особенно ужасны эти дѣла. Ужасны тѣмъ, что ничто такъ ярко, какъ всѣ эти дѣла, совершаемыя отъ судьи до палача людьми, которые не хотятъ ихъ дѣлать,—ничто такъ ярко и явно не показываетъ всю губительность деспотизма для душъ человѣческихъ власти однихъ людей надъ другими.

(«Не могу молчать» 1908 г.)

*) Въ точномъ переводѣ: отчаянная дѣтя, а по внутреннему смыслу: откровенныя простакы. Ред.

**) Смертные казни и наслія по тюрьмамъ, крѣпостямъ, каторгамъ.

10.

Не могу не удивиться теперь на то заблужденіе, въ которомъ я былъ о томъ, что все, чѣд совершалось надъ Шибунинимъ *), было вполнѣ нормально, и что также нормально было и участіе, хотя и не прямое, въ этомъ дѣлѣ того человѣка, котораго называли Государемъ. И я просилъ этого человѣка помиловать другого человѣка, какъ-будто такое помилованіе отъ смерти могло быть въ чьей-нибудь власти. Если бы я былъ свободенъ отъ всеобщей одури, то одно, чѣд бы я могъ сдѣлать по отношенію Александра II и Шибунина, это то, чтобы просить Александра II не о томъ, чтобы онъ помиловалъ Шибунина, а о томъ, чтобы онъ помиловалъ себя, ушелъ бы изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ онъ находился, невольно участвуя во всѣхъ совершающихся преступленіяхъ „по закону“ уже тѣмъ, что, будучи въ состояніи прекратить ихъ, онъ не прекращалъ ихъ.

(Изъ писемъ 24 мая 1908 г.)

11.

Вѣдь если только человѣкъ понимаетъ то, чѣд собираются дѣлать люди, сбѣшіе въ своихъ мундирахъ съ трехъ сторонъ стола, воображая себѣ, что, вслѣдствіе того, что они такъ сѣли, и что на нихъ мундиры, и что въ разныхъ книгахъ напечатаны и на разныхъ листахъ бумаги съ печатнымъ заголовкомъ написаны извѣстные слова, что, вслѣдствіе всего этого, они могутъ нарушить вѣчный, общій законъ, записанный не въ книгахъ, а во всѣхъ сердцахъ человѣческихъ,—то вѣдь одно, чѣд можно и должно сказать такимъ людямъ—это то, чтобы умолять ихъ вспомнить о томъ, кто они, и чѣд они хотятъ дѣлать. А никакъ не доказывать разными хитростями, основанными на тѣхъ лживыхъ и глупыхъ словахъ, называемыхъ законами, что можно и не убивать человѣка. Вѣдь доказывать то, что жизнь каждаго человѣка священна, что не можетъ быть права одного человѣка лишить жизни другого,—это знаютъ всѣ люди и этого доказывать нельзя, потому что не нужно. А можно и нужно и должно только одно: постараться освободить людей-судей отъ того одурѣнія, которое могло привести ихъ къ такому дикому, нечеловѣческому намѣренію. Вѣдь доказывать это—все равно, что доказывать человѣку, что ему не надо дѣлать то, чѣд противно, несвойственно его природѣ: не надо зимою ходить голому, не надо питаться содержимымъ помойной ямы, не надо ходить на четверенькахъ. То, что это несвойственно, противно природѣ человѣческой, давно уже показано людямъ въ разсказѣ о женщинѣ, подлежащей побиенію камнями.

(Изъ писемъ 24 мая 1906 г.)

12.

Смертоубійства, называемыя казнями, совершаются не просто, а передъ каждымъ такимъ убійствомъ сходятся люди въ мундирахъ, садятся на кресла, и на столѣ, покрытомъ сукномъ, что-то пишутъ и говорятъ; и съ этой процедурой убиваютъ отъ трехъ до семи человѣкъ въ день. Нынче, 25 ноября, было 12 явныхъ опубликованныхъ приготовленій къ убійству (приговорамъ) и 5 убійствъ. И это—въ продолженіе четырехъ-пяти лѣтъ, или больше. Дамы говорятъ: „C'est terrible! Je ne puis jamais lire sans frémir“ **). Мужчины со свойственнымъ своему полу-

*) Разстрѣлъ солдата Шибунина, въ Ясенахъ въ 1866 г.,— котораго Л. Н. защищала на судѣ. (Ред.)

***) Это ужасно. Никогда не могу читать это безъ содроганія. (Ред.)

мужествомъ и разумностью внушаютъ дамамъ, что это необходимо для общаго блага... Въ газетахъ ужасаются на эти продолжающіяся казни. Важные чиновники и члены Думы, заявляя свою либеральность, говорятъ, что пора бы окончить эту бойню. Но забывающіе этой бойней улыбаются на эту сентиментальность. Они знаютъ, какъ это неизбежно, необходимо и благотворно. „Погодите“, говорятъ они, „придетъ время, и мы перестанемъ“. Но имъ незачѣмъ переставать—все идетъ такъ прекрасно, только благодаря этимъ „разумнымъ“ ибрамъ. Такъ зачѣмъ же отказываться отъ нихъ. Такъ насчетъ убійствъ, совершаемыхъ властями.

(«Пора понять» 1909 г.)

13.

Я понимаю теперь, какъ должно было потрясти васъ то убійство, о которомъ вы пишете, и очень радъ, что оно подѣйствовало на васъ такъ, какъ оно не можетъ не подѣйствовать на человѣка, искренно ищущаго въ своей жизни служенія Богу—именно сознаниемъ своей и другихъ людей вины передъ Богомъ и состраданіемъ къ несчастному. Я радъ, что вы высказали это и высказали вѣроятно сильно, если это навлекло на васъ гоненіе...

... Нельзя оставлять безъ прощанія и безъ осознанія то злая дѣла, которая совершаются среди насъ, когда они затрагиваютъ насъ. Въ этомъ наша священная обязанность и вы исполните ее. Если бы всѣ дѣлали это, какъ много облегчилась бы жизнь. И оттого, что вы сдѣлали это, ничего кромѣ хорошаго и для васъ и для всѣхъ людей выйти не можетъ.

(Изъ письма 1894 г. Май).

Изъ дѣтской мудрости.

О смертныхъ казняхъ.

Петръ Петровичъ—профессоръ. Марія Ивановна—жена профессора, шестъ. Федя—ихъ сынъ, 9-ти лѣтъ, слушаетъ разсказъ отца. Иванъ Васильевичъ—военный прокуроръ.

Иванъ Васильевичъ. Но нельзя же отрицать опыта исторіи. Мы не только видѣли это во Франціи послѣ революціи и въ другихъ историческихъ моментахъ, но мы видимъ это теперь у насъ, что и пресѣченіе, т. е. изъятіе извращенныхъ и опасныхъ для общества членовъ достигаетъ цѣли.

Петръ Петровичъ. Нѣтъ, мы не можемъ знать этого, знать дѣльныхъ послѣдствій, и это не оправдываетъ исключительныхъ положеній.

Иванъ Васильевичъ. Но мы тоже не имѣемъ права предполагать, что послѣдствія исключительныхъ мѣръ будутъ дурныя, и что, если бы они и были дурныя, чтобы причина ихъ заключалась именно въ примѣненіи исключительныхъ мѣръ. Это овно. Другое же то, что устрашеніе не можетъ не дѣйствовать на людей, потерявшихъ всякое человеческое свойство и превратившихся въ звѣрей. Чѣмъ другимъ, кромѣ устрашенія, можете вы подѣйствовать на людей, какъ тотъ, который спокойно зарѣзалъ старуху и трехъ дѣтей только для того, чтобы украсть триста рублей?

Петръ Петровичъ. Но вѣдь и не отрицаю вообще примѣненія смертной казни, я отрицаю исключительные военные суды, такъ часто являю-

нищие ее. Если бы эти частыя смертныя казни производили только устрашение, но вмѣстѣ съ устрашеніемъ онѣ производятъ и развращеніе: приучаютъ людей къ равнодушію къ убійству себя подобныхъ.

Иванъ Васильевичъ. Опять мы не знаемъ дѣйствительныхъ послѣдствій, а зная благотворность...

Петръ Петровичъ. Благотворность?

Иванъ Васильевичъ. Да, благотворность ближайшихъ, не имѣемъ права отрицать ихъ. Какъ же можетъ общество не воздать по дѣламъ его такому злодѣю, какъ...

Петръ Петровичъ. Т. е., что общество должно мстить?

Иванъ Васильевичъ. Не мстить, а напротивъ, замѣнять личную месть общественнымъ возмездіемъ.

Петръ Петровичъ. Да, но тогда оно должно происходить въ разѣ навсегда опредѣленныхъ закономъ формахъ, а не въ исключительныхъ положеніяхъ.

Иванъ Васильевичъ. Возмездіе общественное замѣняетъ ту месть случайную, преувеличенную, незаконную, часто необоснованную, ошибочную, которую могло бы употреблять частное лицо.

Петръ Петровичъ (горячась). Что же, по вашему мнѣнію, это возмездіе примѣняется теперь всегда не случайно, всегда обоснованно, всегда безошибочно? Нѣтъ, никогда не соглашусь. Никакіе ваши ководы не могутъ убѣдить ни меня, ни кого бы то ни было, что эти исключительныя положенія, при которыхъ казнены тысячи, и казни все продолжаютъ, чтобы это было разумно и законно, и благотворно (Встаётъ и ходитъ въ волненіи).

Федя (къ матери). Мама, о чемъ папа споритъ?

Марья Ивановна. О томъ, что папа думаетъ, что нехорошо, что такъ много смертныхъ казней.

Федя. Какъ, что до смерти убиваютъ?

М. И. Да. Онъ думаетъ, что не надо этого дѣлать такъ часто.

Федя (подходить къ отцу). Папа, отчего же въ десяти заповѣдяхъ сказано: не убивать? Стало-быть совсѣмъ не надо?

Петръ Петровичъ (учываясь). Это сказано не про то, про что мы говоримъ, а просто, чтобы одни люди не убивали другихъ.

Федя. Да едь если казнятъ, то убиваютъ все-таки людей?

Петръ Петровичъ. Разумѣется, но надо понимать, почему и когда можно.

Федя. Когда же можно?

Петръ Петровичъ. Ну, какъ тебѣ сказать? Ну, война, ну злодѣи всѣхъ убиваютъ. Какъ же его такъ и оставить и не наказывать?

Федя. А какъ же въ Евангеліи сказано, чтобы всѣхъ любить, всѣхъ прощать?

Петръ Петровичъ. Хорошо бы было, если бы можно было такъ. Да нельзя.

Федя. Отчего нельзя?

Петръ Петровичъ. А оттого. (Обращается къ Ивану Васильевичу, который улыбається, слушая Федю). Такъ вотъ я, почтенный Иванъ Васильевичъ, и не могу и не могу признать пользу исключительныхъ положеній и военныхъ судовъ.

Казнь революціонера *)

... На другой день его (Свѣтлогуба) повели въ судъ. Въ помѣщеніи суда, гдѣ онъ бывалъ уже нѣсколько разъ, его не стали допрашивать. Но одинъ изъ судей, не глядя на него, всталъ съ своего кресла, всталъ и другіе, и держа бумагу, стали читать громкимъ натурально невыразительнымъ голосомъ.

Свѣтлогубъ слушалъ и смотрѣлъ на лица судей. Всѣ они не смотрѣли на него и съ значительными, унылыми лицами, слушали.

Въ бумагѣ было сказано, что Анатолій Свѣтлогубъ за доказанное участіе въ революціонной дѣятельности, имѣющей цѣлью ниспроверженіе, въ болѣе близкомъ или далекомъ будущемъ, существующаго правительства, приговаривается къ лишенію всѣхъ правъ и къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Свѣтлогубъ слышалъ и понималъ значеніе словъ, произносимыхъ офицеромъ. Онъ замѣтилъ нелѣпость словъ: въ болѣе близкомъ или далекомъ будущемъ и лишеніи правъ человека, приговореннаго къ смерти, но совершенно не понималъ того значенія, которое имѣло для него то, что было прочтано.

Только долго послѣ того, какъ ему сказали, что онъ можетъ идти, и онъ вышелъ съ жандармомъ на улицу, онъ началъ понимать то, что ему было объявлено.

«Тутъ что-то не то, не то... Тутъ какая-то бессмыслица. Этого не можетъ быть»,—говорилъ онъ себѣ, сидя въ каретѣ, которая везла его назадъ въ тюрьму.

Онъ чувствовалъ въ себѣ такую силу жизни, что не могъ представить себѣ смерти: не могъ соединить сознанія своего «я» со смертью, съ отсутствіемъ «я».

Вернувшись назадъ въ свою тюрьму, Свѣтлогубъ сѣлъ на койку и, закрывъ глаза, старался живо представить себѣ то, что его ожидаетъ, и никакъ не могъ этого сдѣлать. Онъ никакъ не могъ представить себѣ того, чтобы его не было, не могъ представить себѣ и того, чтобы люди могли желать убить его.

«Меня, молодого, добраго, счастливаго, любимаго столькими людьми,—думалъ онъ,—онъ вспомнилъ о любви къ себѣ матери, Наташи, друзей.—Меня убьютъ, повѣсятъ! Кто, зачѣмъ сдѣлаетъ это? И потомъ, что же будетъ, когда меня не будетъ? Не можетъ быть»,—говорилъ онъ себѣ.

Пришелъ смотритель. Свѣтлогубъ не слышалъ его входа. — Кто это? Что въ?—проговорила Свѣтлогубъ, не узнавая смотрителя.—Ахъ, да, это вы! Когда же это будетъ?—спросилъ онъ.

— Не могу знать,—сказалъ смотритель и, постоявъ молча нѣсколько секундъ, вдругъ вкрадчивымъ, нѣжнымъ голосомъ проговорилъ:—Тутъ нашъ батюшка желалъ бы... напутъ... желалъ бы видѣть васъ...

— Мнѣ не надо, не надо, ничего не надо! Уйдите!—вскрикнулъ Свѣтлогубъ.

— Не нужно ли вамъ написать кому-нибудь? Это можно—сказалъ смотритель.

— Да, да, пришлите. Я напишу.

Смотритель ушелъ.

«Стало-быть, утромъ,—думалъ Свѣтлогубъ.—Они всегда такъ дѣлаютъ. Завтра утромъ меня не будетъ... Нѣтъ, этого не можетъ быть, это сонъ».

Но пришелъ сторожъ, настояшій знакомый сторожъ, и принесъ два пера, чернильницу, пачку почтовой бумаги и синеватыхъ конвертовъ и поставилъ табуретку къ столу. Все это было настоящее и не сонъ.

Надо не думать, не думать. Да, да! Напишу мамѣ, подумалъ Свѣтлогубъ, сѣлъ на табуретку и тотчасъ же началъ писать...

... Онъ сѣлъ писать съ отчаяніемъ, а теперь чувствовалъ себя спокойнымъ, почти радостнымъ.

Онъ взялъ другой листъ и тотчасъ же сталъ писать. Мысли одна за другой толпились въ его головѣ.

«Милая, голубушка мама!—писалъ онъ, и опять глаза его затуманились слезами, и ему надо было вытирать ихъ рукавомъ халата, чтобы видѣть то, что онъ пишетъ.—Какъ я не зналъ себя, всю силу той любви къ тебѣ и благодарности, которая всегда жила въ моемъ сердцѣ! теперь я знаю и чувствую и когда вспоминаю наши размовки, мои недобрыя слова, сказанныя тебѣ, мнѣ больно и стыдно и почти неопытно. Прости же меня и вспоминай только то хорошее, если что было такого во мнѣ».

«Смерти я не боюсь. По правдѣ сказать, не понимаю я, не вѣрю въ нее. Видь если есть смерть, уничтоженіе, то развѣ

*) Глава изъ повѣсти Л. Н. Толстого «Божеское и человеческое», напечатанной въ «Кругѣ Чтенія» т. II. Приводится здѣсь въ извлеченіяхъ.

не все равно умереть 30 годами или минутами раньше или позже. Если же жить смерти, то ужь совсем все равно, раньше или позже...

... Ему хотелось сейчас же ласково, любовно поговорить с кем-нибудь. Он постучал в дверь, и когда часовой заглянул к нему, он спросил его, который час и скоро ли он будет съезжаться, но часовой ничего не ответил ему. Тогда он попросил позвать смотрителя. Смотритель пришел, спрашивая, что ему нужно.

— Вот я написал писмо матери, отдайте, пожалуйста, — сказал он, и слезы выступили ему на глаза при воспоминании о матери.

Смотритель взял письмо и, обещая передать его, хотѣлъ уходить, но Свѣтлогубъ остановил его.

— Послушайте, вы добрый. Зачѣмъ вы служите в этой тяжелой должности? — сказал он, ласково трогая его за рукавъ.

Смотритель неестественно жалостно улыбнулся и, опустив глаза, сказал:

— Надо же жить.

— А вы оставьте эту должность. Видь всегда можно устроиться. Вы такой добрый. Можетъ-быть, я бы могъ...

Смотритель вдруг в испугу, быстро повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Волеие смотрителя еще больше умилило Свѣтлогуба, и, удерживая радостную слезу, он стал ходить отъ стѣны до стѣны, но испытывая теперь уже никакого страха, а только умиленное состояние, поднимавшее его выше міра.

Тотъ самый вопрос, что будетъ съ нимъ послѣ смерти, на который онъ такъ старался и не могъ отвѣтить, казался разрѣшеннымъ для него и не какимъ-либо положительнымъ, разумнымъ отвѣтомъ, а сознаниемъ той истинной жизни, которая была в немъ.

И онъ вспоминалъ слова евангелія: «Истинно, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода». «Вотъ и я упаду въ землю. Да, истинно, истинно», — думалъ онъ.

«Заснутъ бы, — вдругъ подумалъ онъ, — чтобы не ослабить потому. Онъ легъ на койку, закрывъ глаза и тотчасъ же уснул...

...Вошли жандармскій офицеръ, смотритель и конвой.

«Смерть? Ну, такъ что же? Уйду. Это хорошо. Все хорошо», — думаетъ Свѣтлогубъ, чувствуя, какъ возвращается къ нему то умиленно-торжественное состояние, въ которомъ онъ былъ вчера...

...Было пасмурное осеннее утро. Солнца не видно было. Съ моря дулъ влажный, теплый вѣтеръ.

Свѣжий воздухъ, видъ домовъ, города, лошадей, людей, смотрѣвшихъ на него, все это развлекло Свѣтлогуба. Сидя на скамейкѣ колесницы, спиной къ кучеру, онъ невольно вглядывался въ лица конвоирующихъ его солдатъ и встрѣчавшихся жителей.

... Во все время переѣзда сознание того, что ожидаетъ его, не нарушало спокойной-торжественной настроенія Свѣтлогуба.

Только когда колесница подѣхала къ висѣлицѣ и его свели съ нея и онъ увидѣлъ столбы съ перекладной и слегка качавшейся на ней отъ вѣтра веревкой, онъ почувствовалъ какъ-будто физическій ударъ въ сердце. Ему вдругъ стало тошно. Но это продолжалось недолго. Вокругъ помоста онъ увидѣлъ черные ряды солдатъ съ ружьями. Впереди солдатъ ходили офицеры. И какъ только его стали сводить съ колесницы, раздался неожиданный, заставивший его вздрогнуть, трескъ барабанной дроби...

... Его ввели на помостъ, и слѣдъ за нимъ вошелъ офицеръ. Барабаны замолкли, и офицеръ прочелъ ненатуральнымъ голосомъ, особенно слабо звучащимъ среди широкаго поля и послѣ треска барабановъ, тотъ глупый смертный приговоръ, который ему читали на судѣ, о жизни правъ того, кого убиваютъ, и о близкомъ и далекомъ будущемъ. «Зачѣмъ, зачѣмъ они дѣлаютъ все это? — думалъ Свѣтлогубъ. — Какъ жалко, что они еще не знаютъ, и что и уже не могъ передать имъ всего, но они узнаютъ. Все узнаютъ.

Къ Свѣтлогубу подошелъ худощавый, съ длинными рѣдкими волосами священникъ въ лиловой рясе, съ однимъ небольшимъ золотымъ крестомъ на груди и съ другимъ большимъ серебрянымъ крестомъ, который онъ держалъ въ слабой, блѣдой, жилистой, худой рукѣ, выступавшей изъ черно-бархатнаго облача.

— Милосердный Господь, — началъ онъ, перекладывая крестъ изъ лѣвой руки въ правую и поднося его Свѣтлогубу.

Свѣтлогубъ вздрогнулъ и отстранился. Онъ чуть было не сказалъ недоброго слова священнику, участвующему въ совершаемомъ надъ нимъ дѣлѣ и говорящему о милосердіи, но,

вспомнивъ слова евангелія: «не знаютъ, что творятъ», сдѣлалъ усилие и робко проговорилъ: «Извините, мнѣ не надо этого. Пожалуйста, простите меня, но мнѣ, право, не надо. Благодарю васъ».

Онъ протянулъ священнику руку. Священникъ переложилъ опять крестъ въ лѣвую руку и, показавъ руку Свѣтлогубу, стараясь не смотреть ему въ лицо, спустился съ помоста. Барабаны опять затрещали, заглушая всѣ другіе звуки. Вслѣдъ за священникомъ, колебля доски помоста, быстрыми шагами подошелъ къ Свѣтлогубу средняго возраста человекъ съ покатыми плечами и мускулистыми руками въ шилкасъ сверхъ русской рубахи. Человекъ этотъ, быстро оглянувшись, Свѣтлогуба, совсемъ близко подошелъ къ нему и, обдавъ его неприятнымъ запахомъ вина и пота, схватилъ его цѣпкими пальцами за руки выше кисти и, сжавъ ихъ такъ, что стало больно, заснулъ ихъ ему за спину и туго завязалъ. Завязавъ руки, палачъ на минуту остановился, какъ бы соображая и взглядывая то на Свѣтлогуба, то на канія-то вени, которые онъ принесъ съ собой и положилъ на помостъ, то на висѣлицу на перекладной веревку. Сообразивъ то, что ему нужно было, онъ подошелъ къ веревкѣ, что-то сдѣлалъ съ ней, подинулъ Свѣтлогуба впередъ, ближе къ веревкѣ и обриву помоста.

Какъ при объявленіи смертнаго приговора, Свѣтлогубъ не могъ понять всего значенія того, что объявлялось ему, такъ и теперь онъ не могъ объять всего значенія предстоящей минуты, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на палача, поспѣшно, ловко и озабоченно исполняющаго свое ужасное дѣло. Лицо палача было самое обыкновенное лицо русскаго рабочаго человека, не злое, но сосредоточенное, какое бываетъ у людей, старающихся какъ можно точнее исполнить нужное и сложное дѣло.

— Еще сюда вотъ подвинься... или подвиньтесь... — проговорилъ хриплымъ голосомъ палачъ, толкая его къ висѣлицѣ. Свѣтлогубъ подвинулся.

«Господи, помилуй меня!» — проговорилъ онъ.

Свѣтлогубъ не вѣрилъ въ Бога, и даже часто смѣялся надъ людьми, вѣрящими въ Бога, онъ и теперь не вѣрилъ въ Бога, не вѣрилъ потому, что не могъ не только словами выразить, но мыслью объять Его. Но то, что онъ разумѣлъ теперь подъ тѣмъ, къ кому обращался, — онъ зналъ это, — было нѣчто самое реальное изъ всего того, что онъ зналъ. Зналъ и то, что обращеніе это было нужно и важно. Зналъ это потому, что обращеніе это тотчасъ укрѣпило, успокоило его.

Онъ подвинулся къ висѣлицѣ и, невольно окинувъ взглядомъ ряды солдатъ и нестрыхъ зрителей, еще разъ подумалъ: «Зачѣмъ, зачѣмъ они дѣлаютъ это?» И ему стало жалко и ихъ и себя, и слезы выступили ему на глаза.

— И не жалко тебѣ меня? — сказала онъ, уловивъ взглядъ бойкихъ сѣрыхъ глазъ палача.

Палачъ на минуту остановился. Лицо его вдругъ сдѣлалось злое.

— Ну, вась! Разговаривать, — пробормоталъ онъ и быстро нагнулся къ полу, гдѣ лежала его поддевка и какое-то полотенце, и, дожимъ движеніемъ обѣихъ рукъ сзади обнявъ Свѣтлогуба, наклонилъ ему на голову хлѣбный мѣшокъ и поспѣшно облепнулъ его до половины снѣгомъ и грязью.

«Въ руки твои предаю духъ мой», вспомнилъ Свѣтлогубъ слова евангелія.

Духъ его не противился смерти, но сильное, молодое тѣло не принимало ея, не покорялось и хотѣло бороться.

Онъ хотѣлъ крикнуть, рвануться, но въ то же мгновеніе почувствовалъ толчокъ, потерю точки опоры, животный ужасъ задоханія, шумъ въ головѣ и исчезновеніе всего.

Тѣло Свѣтлогуба, качаясь, повисло на веревкѣ. Два раза подпрыгивая и опустившись плечи.

Подождавъ минуты двѣ, палачъ, мрачно хмурясь, положилъ руки на плечи трупъ и сильнымъ движеніемъ потянулъ его. Всѣ движенія тѣла прекратились, кромѣ медленнаго покачиванія висѣвшей въ мѣшкѣ куклы съ неестественно выпяченной впередъ головой и вытянутыхъ изъ арестантскихъ чулокъ ногамъ.

Сходя съ помоста, палачъ объявилъ начальнику, что трупъ можно снять съ педки и похоронить.

Черезъ часъ трупъ былъ снятъ съ висѣлицы и отвезенъ на неосвященное кладбище.

Палачъ исполнилъ то, что хотѣлъ и что взялся исполнить. Но исполненіе это было нелегко. Слова Свѣтлогуба: «я не жалко тебѣ меня, не выходили у него изъ головы...

(«Божеское и человѣческое» Л. Н. Толстого 1905 г.)

ЕДИНЕНІЕ.

Последняя исповѣдь.

(Отрывокъ изъ драмы).

Внутренность каземата. Пять часовъ утра. На желѣзной койкѣ лежитъ исхудалый юноша. За дверью шаги и бряцанье ключей. Заключенный быстро садится. Входитъ священникъ съ распятіемъ; въ глубинѣ смутно видна фигура въ красной рубахѣ и солдаты.

Священникъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Аминь! (Молчаніе). Очнись мой сынъ! Великій мигъ приблизился.. (Молчаніе). Мнѣ краткія мгновенія Бесѣдовать позволено съ тобой: Не трать, мой сынъ, мгновеній дорогихъ!

(Молчаніе).

На страшный путь ты долженъ запастись Спокойствіемъ и бодростью.. Я миръ Душъ твоей несу.

Осужденный. (Оглядываясь и указывая на полка). А этотъ—тѣлу?

Священникъ. И я, и онъ покорные послы Пославшихъ насъ: небесной власти—я, А онъ—земной. Я—вѣстникъ всепрощенья И благости Творца, а онъ... онъ казни Невольный вѣстникъ...

Осужденный. Ты сперва простишь, А онъ потомъ казнить меня—не такъ ли?

Священникъ. Людская казнь свершится и пройдетъ,

Но вѣчно пребудетъ благодать Божья;

Не отвергай послѣдній даръ любви—

Земной залогъ Господня примиренья.

Покайся, сынъ, въ грѣхахъ..

Осужденный. Старикъ,

Уйди! Въ моихъ раскаявшихся грѣхахъ,

Смертельный грѣхъ я бѣ совершилъ предъ смертью.

На грѣхъ такой меня духовный пастырь

Съ распятіемъ въ рукахъ склоняетъ!

Священникъ. Сынъ мой!

Между тобой и судьбами твоими

Не я судья. Молитву я, не судъ,

Пришелъ творить. Молись, дитя, и кайся!

Осужденный. Пусть будетъ такъ: Услышь же ты, старикъ,

Предсмертной раскаянье мое:

„Прости, Господь, что бѣдныхъ и голодныхъ

„Я горячо, какъ братьевъ, полюбилъ..

„Прости, Господь, что вѣчное добро

„Я не считалъ несбыточною сказкой.

„Прости, Господь, что я добру служилъ

„Не языкомъ однимъ медоточивымъ—

„Но весь, умомъ и сердцемъ и руками...

„Прости, Господь, что родинѣ несчастной

„И въ смертный часъ я вѣрнѣй остоюсь,

„Что я, рабомъ родившись межъ рабами,

„Среди рабовъ—саободный умираю!

„Прости, Господь, что я къ врагамъ народнымъ

„Всю жизнь пылалъ священной враждой,

„Что я друзьямъ не измѣнялъ въ несчастіи,

„Что выривалъ изъ хищныхъ лапъ злодѣевъ

„Невинныя истерзанныя жертвы;

„Что гадилъ смертельно ядовитой

„Я притуплялъ отравленные зубы;

„Что я смутилъ безумнымъ воплемъ мести

„Развратный пиръ прожорливыхъ святошъ.

„Что я убійцъ казнилъ за ихъ убійства!...

Священникъ. Молчи, молчи! Ты раны рас- трапляешь.

И безъ того зіяющія въ сердцѣ

Твоемъ больномъ. Последнюю молитву

Не такъ творятъ. Есть тихія слова,

Слова любви, покорности, прощенья..

Они въ душѣ, какъ воспоминанья дѣтства.

Какъ матери ласкающій налѣвъ,

Баюкаютъ и злобу и страданья,

И умереть дають намъ безъ проклятій...

О, вспомни, сынъ, то золотое время,

Когда враждой еще не распалаясь

Твоя душа.. О, вспомни годы дѣтства

И чистый пылъ младенческой молитвы,

И миръ души и слезы умиленія!...

О, умились, дитя мое, предъ смертью

И Богу вздохъ послѣдній посвети,

А не землѣ! Послушай, сынъ мой, если

За тяжкій грѣхъ заслуженную кару

Теперь несешь—пусть льется горячо

Предъ Господомъ раскаянье твое!

Онъ милостивъ. Раскаявшійся грѣшникъ

Ему милѣй, чѣмъ тотъ, кто не грѣшилъ.

Но если ты безвинно умираешь,

Вдвойнѣ теплѣй и ярче пусть горитъ

Последняя твоя молитва къ Богу!

Идя на казнь невинно, помолись

Тому, Кто самъ невинно былъ казненъ;

Вручи себя Тому, Кто намъ когда-то

Себя вручалъ. Ты скорбь свою повѣдай

Тому, Кто Самъ скорбѣлъ лютойшей скорбью:

Молись Тому предъ казнью, кому

Во время казни долженъ подражать ты...

И Онъ казненъ за бѣдныхъ и голодныхъ,

И Онъ казненъ за вѣчное добро.

Но въ смертный часъ враговъ не проклиналъ Онъ...

Осужденный. Ты задѣвать умѣешь струны сердца.

Я самъ, старикъ, продумалъ о Христѣ

Послѣдній день своей недолгой жизни.

И много, много думалъ я...

Священникъ. И что же?

Осужденный. И я рѣшилъ, что повѣсть о Хри- стѣ—

Пустая ложь...

Священникъ. А прежде вѣрилъ ты?

Осужденный. Въ дни юности когда-то... Вѣръ въ Бога

Уже давно противился мой разумъ.

Но лишь вчера сказалъ мнѣ голосъ сердца,

Что Бога нѣтъ,

Священникъ. Что-жъ говорилъ тотъ голосъ?

Осужденный. Онъ говорилъ, что если на Голгофѣ

Вѣка назадъ своей святою кровью

Грѣхи людей Христосъ бы искупилъ,

То не было бѣ моея сегодня казни...

Священникъ. Его пути для насъ неизъяснимы...

Осужденный. Молчи, старикъ! Ты слышишь ли

дальней

Зловѣщій гулъ? То праздная толпа

На смерть мою собирается глядѣть...

Теперь, старикъ, дерзнешь ли ты о Богѣ

Мнѣ говорить? О, если-бъ въ небесахъ

И жилъ Господь, то этотъ гулъ услышавъ

Въ себѣ самомъ Онъ сталъ бы сомнѣваться...
(*Прислушивается*).

Толпа растеть.. все ближе.. и о чемъ
Кричить она? То крики нетерпѣнья,
Или восторгъ, или шутки площадныя?
О, подожди, народъ нетерпѣливый!
Ужъ близокъ часъ! притихнетъ скоро сердце,
Что лишь къ тебѣ любовью билось страстной,
Лишь за тебя скорбѣло и молилось...
Народъ! Народъ! Женихъ свою невѣсту
Не любить такъ, какъ я любилъ тебя!
Народъ... Мой слухъ ласкало это слово,
Какъ музыка небесъ... Въ часы сомнѣнья
Я воскресалъ мечтою о тебѣ,
Какъ жаркою молитвой. Домъ родимый,
Отца и мать безропотно я бросилъ
И лишь тебѣ, какъ ты, отшельникъ, Богу,
Я посвятилъ всю жизнь, всѣ силы духа...
Съ тѣхъ поръ иныхъ не вѣдалъ я печалей,
Съ тѣхъ поръ иныхъ я радостей не зналъ:
Тамъ, въ тишинѣ твоихъ полей просторныхъ,
Тамъ, въ суетѣ твоихъ лачужекъ тѣсныхъ —
Тамъ плакало, тамъ радовалось сердце...
О, горькій часъ! ты горше часа смерти!...

(*Задумывается*).

Меня везутъ въ позорной колесницѣ...
Я на глазахъ обманутокъ народа
Свою любовь къ народу искупаю...
А я молчу... Ничья рука не можетъ
Повязку мнѣ сорвать съ его очей,
И умъ его могучимъ словомъ правда
Ничей языкъ не можетъ просвѣтить...
О, веселись, толпа! Шуты, позоры!
День траура своимъ друзьямъ доставишь,
День радости врагамъ ты подаришь...
Но нѣтъ! клянусь, я радость отравлю имъ
И грудь толпы заставлю трепетать!
Я не освоюсь безсиленъ — умереть
Осталось мнѣ, и грозное оружіе
Я на враговъ скою изъ этой смерти...
Я кафедру создамъ изъ эшафота,
И проповѣдь могучую безмолвно
Въ послѣдній разъ скажу передъ толпой!
Какъ надо жить, тебя не научилъ я,
Но покажу, какъ надо умирать.
Пусть палачи отъ злобы поблѣднѣютъ,
Позора ядъ пускай сердца прожжетъ имъ!
Священникъ. Прощай, мой сынъ! Не даль
Господь мнѣ тронуть
Твой духъ. Сюда съ надеждой робкой шель я,
Съ отчаяньемъ отсюда удаляюсь;
Пусть Богъ проститъ твою гордыню.
Быть можетъ, что и къ свѣту ты стремился,
Хотя бродилъ не свѣтлыми путями.
Осужденный. Что о путяхъ бормочешь ты? Ког-
да-бъ я

Безвестными путями не гушался,
Въ твоихъ теперь валялся бъ я ногахъ!
Передъ толпой съ подмостковъ эшафота
Сократъ себя крестомъ бы сбѣнялъ,
Евангеліе лобзая бы со слезами
И набожно толпу перекрестилъ бы:
Вѣрнѣй нѣтъ средствъ, чтобъ мученикомъ правды
Въ толпѣ прослыть. Вѣдь знаю я, что каждый,
Склоняясь въ прахъ предъ судьями моими,
Христа судившихъ, дважды въ день клянется.
Но нѣтъ! Теперь въ торжественный часъ смерти
Я честныхъ рукъ своихъ не оскверню,

Народному и моему врагу
Не протяну ихъ...
Священникъ. Я — народу врагъ?
Осужденный. Ты, полъ.
Священникъ. И твой я врагъ?
Осужденный. Ты врагъ народа...
И не за то-ль, что громкія слова
На языкъ всегда у васъ — друзьями
Васъ должно счесть? Вы слуги Божьи? Такъ ли?
Но для кого вашъ Богъ страдалъ и умеръ?
Кому служилъ онъ? Сильнымъ? Богачамъ?
Зачѣмъ же вы съ сильнѣйшими въ союзѣ?
Какъ вѣрныхъ псовъ, надъ овцами своими
Назначилъ васъ блюсти небесный пастырь,
Зачѣмъ же вы съ волками подружились?
Изъ всѣхъ враговъ презрѣннѣйшіе вы!
Трусливые, со сладкими словами,
Измѣнники, лжецы и лицемеры!
Что намъ въ словахъ возвышенныхъ и добрыхъ?
Полезнѣе нѣтъ силы, чѣмъ огонь,
И безъ огня звѣрми бы были люди;
Но извергъ тотъ, кто тихомолкомъ пламя
Подъ хижину подброситъ бѣдняка.
Такъ и любовь, прощеніе и кротость —
Высокія и честныя слова:
Но тѣ слова кому вы говорите?
Зачѣмъ меня учить теперь прощенью
Явился ты? Я слабый, бѣдный узникъ,
Что черезъ часъ заснетъ могильнымъ сномъ...
О, если бъ ты и убѣдилъ меня,
Скажи, кому нужна моя пощада?...
Зачѣмъ съ такой же рѣчью о прощеньи
Ты не пошелъ, къ моимъ всемогущимъ судьямъ?
Ихъ убѣдивъ, ты тотчасъ спасъ бы жизнь...
Такъ вы всегда: когда бѣднякъ безъ хлѣба
Въ виду безумныхъ пиршествъ издыхаетъ,
Вы къ бѣдняку подходите съ крестомъ
И учите умеренности скромной...
Когда народъ въ цѣпяхъ тирана стонетъ
Смирению вы учите народъ.
Тому ль училъ божественный учитель?
На то-ль далъ крестъ, чтобы изподтишка
Его крестомъ вы слабыхъ убивали?
Когда я смерть приму на эшафотѣ
И громко глать начну въ всѣ языки,
Скажи, о чемъ народу скажешь въ церкви?
Что къ свѣту я стремился? Божій храмъ
Кто осквернитъ кощунственной ложью?
О, бѣдный край мой! Море гнусной лжи
Тебя залило мутными волнами
Со всѣхъ концовъ: въ семействѣ лжетъ отецъ
Передъ дѣтьми, а въ школѣ лжетъ учитель,
Въ твоихъ церквахъ глутъ слуги алтарей...
Повѣрь, что мнѣ палачъ стократъ милѣе,
Чѣмъ лживый полъ... (*Обращаясь къ палачу*).
Невольный вѣстникъ казни!
Ну, начинай! Надѣюсь, ты свое
Успѣхнѣ исполнишь порученье...
(*Палачъ выходитъ на середину шата. Священникъ
медленно и дрожа сильно теломъ удаляется. Осужден-
ный смотритъ ему вследъ*).
Какъ онъ дрожитъ! Какъ блѣденъ! Эй, старикъ,
Постой! Въ твоихъ глазахъ я встрѣтилъ слезы,
И голосъ твой дышалъ ко мнѣ участіемъ...
Твое лицо я первое въ тюрьмѣ
Беззлобное увидѣлъ... Передъ смертью
Ужоровъ я не слышалъ отъ тебя...
Старикъ! Твою я презираю расу,

Но доброе подъ ней, быть можетъ, сердце...
Какъ попъ—мнѣ врагъ, какъ челоуѣкъ, быть можетъ,
Ты мнѣ и другъ... Прими же въ благодарность
Ты мой поклонъ и теплое спасибо!
(Кланяется священнику; палачъ связываетъ ему руки).

О террорѣ.

(По поводу стихотворенія: «Послѣдняя исповѣдь»).

Въ связи съ величайшимъ преступленіемъ настоящаго времени—смертною казнью—мы помѣщаемъ въ этомъ выпускѣ воспроизведеніе съ извѣстной написанной въ 80-хъ годахъ и находящейся въ Третьяковской галлерей картины Рѣпина, изображающей приговореннаго къ смертной казни революціонера.

Насколько намъ помнится, сюжетъ этой картины былъ внушенъ художнику тѣмъ стихотвореніемъ, которое мы выше приводимъ. Въ свое время недопустимое въ печати по цензурнымъ условіямъ, оно ходило по рукамъ. Въ 1906 г., оно было напечатано отдѣльной брошюрой, но вскорѣ потомъ конфисковано.

Печатаемъ мы стихотвореніе цѣликомъ, несмотря на то, что, по духу своему, оно сочувственно освѣщаетъ революціонный терроръ, который мы, по нашимъ религіознымъ убѣжденіямъ, безусловно осуждаемъ, признавая нравственно недопустимымъ никакое убійство, кѣмъ бы и ради чего бы оно ни совершалось. Это же самое говорить каждому неизвращенному челоуѣку и его непосредственная совѣсть. О томъ же, что и практически убійствомъ невозможно достигнуть ничего хорошаго—свидѣтельствуетъ присущее челоуѣку непреложное сознаніе того, что зло всегда порождаетъ зло и что добро достигается только добромъ.

Историческія событія послѣдняго времени какъ нельзя лучше подтверждаютъ эту истину. Тянувшаяся десятки лѣтъ революціонная борьба съ самодержавіемъ, со всеми своими террористическими актами и вооруженными возстаніями, не только никогда не достигала своей цѣли облегченія участи трудового народа, но, наоборотъ, всегда лишь ухудшала его положеніе, вызывая усиленіе правительственной реакціи. Съ другой стороны, нѣкоторыя уступки, на которыя пошла государственная власть при первой революціи, въ пятомъ году, были вызваны исключительно мирнымъ характеромъ тогдашнихъ всеобщихъ забастовокъ. Лишь только революціонеры стали опять прибѣгать къ насилію, правительственная репрессія возобновилась, достигнувъ наконецъ ужасовъ столыпинскаго режима. Затѣмъ, когда самодержавіе окончательно пало, то достигнуто это было не какими-либо вооруженнымъ возстаніемъ, а единственно тѣмъ, что русский народъ, разувѣрившись въ святости царской власти, пересталъ ей подчиняться. И въ настоящее время, тотъ «красный терроръ», тѣ непрерывныя казни, которыми носители нынѣшней власти думаютъ запугать своихъ противниковъ, на самомъ дѣлѣ достигаютъ какъ разъ обратнаго, все больше и больше отталкивая народныя массы и внушая всѣмъ, не потерявшимъ голову и сердце, русскимъ людямъ отвращеніе вмѣсто сочувствія. Нужно быть совершенно слѣпымъ и чуждымъ духу русскаго народа для того, чтобы не видѣть, что такими безчелоуѣчными приемами и вообще всѣми совершаемыми насиліями теперешніе представители власти сами подрываютъ тотъ суухъ, на которомъ сидятъ.

Отдавая дань справедливости революціонерамъ царскаго періода, мы вполне признаемъ, что многие изъ нихъ были люди поразительно искренніе и самоотверженныя въ своей беззаветной преданности тому, что въ своемъ трагическомъ заблужденіи они считали благомъ народа. И въ этомъ отношеніи они навсегда останутся образцовымъ примѣромъ самой волной и геройской жертвы собой, ради того дѣла, въ которое они вѣрили (хотя бы и ошибочно) согласно крайнему своему разумѣнію.

Такимъ искреннимъ и самоотверженнымъ героемъ и изображенъ въ приведенномъ стихотвореніи и на картинѣ Рѣпина околающая своей казни революціонеръ. И какъ самъ безпомощнымъ и жалкимъ передъ нимъ представляется намъ добренькій и по своему такою искренній священникъ, по едологу службѣ повѣстившій приговореннаго.

Но оба эти глубоко-художественныя произведенія—и стихотвореніе, и картина—до такой степени сильны сами по себѣ, что (помимо сдѣланной нами принципиальной оговорки) всякія добавочныя поясненія только ослабили бы производимое ими непосредственное впечатлѣніе.

В. Чертовъ.

За чѣмъ его нѣтъ?!

За чѣмъ его нѣтъ? Его, великаго будильника совѣсти, его, мощнаго глашатая извѣчныхъ истинъ, чей голосъ, подобно колоколу, звучалъ въ самые мрачные дни русскаго «безвременья» и царской реакціи и заставлялъ вздрагивать и оглядываться даже и ко всему приученныхъ насиліемъ власти людей.

Онъ, конечно, безмѣрно страдалъ бы... И, какъ тогда, возможно, просилъ бы затянуть и на его старческой, морщинистой шеѣ эту позорную намыленную петлю*), мучить и разстрѣливать лучше его, старика, чѣмъ сотни и тысячи еще не жившихъ сознательной жизнью людей.

Нехватаетъ теперь его живого, вѣщаго голоса, къ которому прислушивалось бы все челоуѣчество, голоса, который могъ бы остановить эти ужасы, это безуміе?!

Посмотрите, что дѣлаютъ.

Въ Выборгѣ «бѣлые» мучаютъ «красныхъ». Жгутъ на огнѣ, безчелоуѣчно пытаютъ прежде, чѣмъ умертвить.

Въ Ростовѣ и Батайскѣ какіе-то добровольческіе отряды, якобы спасающіе Россію и «родину», разстрѣливаютъ каждаго, про кого первый встрѣчный скажетъ, что онъ большевикъ.

Въ Украинѣ и на югѣ Россіи неистовствуютъ австрійцы и нѣмцы.

А здѣсь? Здѣсь, въ центрѣ Россіи, то же самое, если не худшее, дѣлаетъ «предержавная власть».

Въ началѣ іюня въ «Новой жизни» была опубликована бесѣда сотрудника съ двумя главными дѣятелями такъ называемой «чрезвычайной комиссіи» по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и саботажемъ»...

Трудно представить себѣ болѣе циничное, болѣе откровенное оправданіе убійствъ.

«Мы судимъ быстро. Въ большинствѣ случаевъ отъ поимки преступника до постановленія о казни проходятъ сутки или нѣсколько»...

«Конечно, и мы можемъ ошибаться, но до сихъ поръ ошибки не было, тому доказательство наши протоколы... Почти во всѣхъ случаяхъ преступники, припертые къ стѣнѣ, сознаются въ своемъ преступленіи»...

И они, эти судьи и исполнители, съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга, заявляютъ: «Насъ 18 испытанныхъ революціонеровъ. Мы представляемъ собою организованный терроръ (устрашеніе). И по отношенію къ врагамъ совѣтской власти мы не знаемъ пощады».

И не знаютъ дѣйствительно... Почти каждый день въ Московскій хроникѣ отмѣчается, что «по постановленію чрезвычайной комиссіи разстрѣляно столько-то»...

Эти убійства и звѣрства вызвали естественное отвращеніе и ужасъ. Почти вся печать, за исключеніемъ, конечно, совѣтской—откликнулась на нихъ. Но, увы, справедливо возмущаясь апрѣдлами ужаса, она въ большинствѣ случаевъ видитъ ужасъ не въ томъ, въ чемъ онъ есть. Большинство видитъ ужасъ въ «безсудіи», въ томъ, что нѣтъ даже и призрачныхъ гарантій отъ возможныхъ ошибокъ. И только немногіе откликнулись,—что мы же, вѣдь, люди, и что пора бы намъ вспомнить, вѣчную заповѣдь «не убій».

*) См. «Не могу молчать», Л. Н. Толстого. Изд. «Единніе» 1917 г.

На самомъ дѣлѣ, развѣ дѣло въ судѣ? Развѣ въ этомъ «разборѣ» уликъ, въ рѣчахъ защиты и прочемъ? Неужели, если бы—«по суду», то было бы лучше, или даже совсѣмъ хорошо? А кто далъ право судить? Кто далъ право лишать другого, себѣ подобнаго, главнѣйшей и высшей цѣнности, данной не нами—жизни?...

Почему для одѣтыхъ, какъ всѣ, это—убійство, вызывающее омерзѣніе, отвращеніе и ужасъ, а для одѣтыхъ въ военную, полицейскую или иную судебную форму—оно «исполненіе закона»?...

О да, конечно, сейчасъ же найдутся голоса,— что «хорошо, молъ, намъ, прекраснодушничать и витать гдѣ-то въ заоблачныхъ высяхъ. Вѣдь, убиваютъ-то «контръ-революціонеровъ», спекулянтовъ и воровъ, разбойниковъ»...

Но, во-первыхъ, кто есть «контръ-революціонеръ»?

А, во-вторыхъ:

Вы слышали, что сказано древнимъ:

«Око за око и зубъ за зубъ». А я говорю вамъ: «не противься злему»...

«Не убивай,—и не только не убивай, но постарайся и для врага найти мѣсто въ твоемъ любящемъ сердцѣ, учись и старайся любить того, кто тебя ненавидитъ, и благословлять того, кто тебя проклинаетъ»...

Но, вѣдь это же—возразить—за вѣдомо невыполнимо...

Да, требованія активности, требованія дѣйственной любви, этого высшаго «дѣланія», разумѣется, очень трудны. Ну, а простое «недѣланіе», а только отказъ отъ убійствъ:

— «Не убій».

Это-то что же? Тоже невыполнимо и недостижимо?

Какое притворство и какой обманъ! Но онъ раскрывается, и все чаще и чаще идутъ голоса, зовущіе къ прекращенію всякаго убійства. И все болѣе и болѣе людей, объединенныхъ любовью и протестующихъ противъ злобы и вражды.

Но ихъ, все-таки, мало. И ихъ голосъ, къ сожалѣнію, не слышенъ для тѣхъ, кто считаютъ «носителями власти» и полагаютъ, что они имѣютъ право убивать.

До нихъ не дойдутъ ни наши протесты, ни эти «старые доводы» противъ убійствъ.

Нужно, быть можетъ, какое-то другое и болѣе сильно дѣйствующее средство. Вотъ, почему мы и жалѣемъ: зачѣмъ его нѣтъ!

Быть можетъ, онъ, своимъ вѣщимъ голосомъ заставилъ бы очнуться, одуматься тѣхъ, кто прикрывается именемъ крестьянъ и рабочихъ, именемъ трудового, простого народа.

А это необходимо: слишкомъ уже безмѣрна чаша ужаса и крови.

Июль 1918 г.

* * *

Помощь Толстого.

Съ благодарностью печатая вышеприведенную статью, являющуюся крикомъ наибольшей души, который, въ настоящее время, несвольно вырывается у многихъ и многихъ,—мы хотѣли бы отъ себя прибавить нѣсколько строкъ по поводу того, къ памяти котораго зываетъ ее авторъ.

Мнѣ кажется, что слова Христа о своей смерти, сказанныя при прощальной бесѣдѣ съ его учениками, можно отнести и къ Толстому, какъ вообще и ко всякому учителю жизни. Исусъ тогда сказалъ своимъ ученикамъ послѣдователями: «Если вы исполняете мое ученіе, то вамъ нечего огорчаться моей смертью. Я, какъ духъ истинный, приду къ вамъ и живѣть

съ сознаниемъ Отца вселось въ ваше сердце. Если вы исполняете мое ученіе, то вамъ надо радоваться, потому что, вѣдьте меня, съ вами будетъ Отецъ-духъ въ вашемъ сердцѣ; а это лучше для васъ» *).

Что касается поадѣйствія на тѣхъ, кто совершаютъ творимые въ настоящее время ужасы, то они вѣдь и такъ хорошо знаютъ, какъ относился Толстой къ подобной ихъ дѣятельности. Они даже любятъ ссылаться на то, что они «не толстовцы». Глаза у нихъ такъ затемнены, что они не видятъ даже и того, какъ своими поступками все болѣе и болѣе отталкиваютъ отъ себя тѣ самыя народныя массы, поддержкою которыхъ они больше всего дорожатъ. Точно такъ же и уши у нихъ слишкомъ плотно закрыты для того, чтобы даже и живъ и голосъ Толстого проникъ бы въ ихъ души. Какъ опять таки сказалъ Христосъ въ одной изъ своихъ притчъ: «Они и такъ знаютъ. Это имъ и Моисей и всѣ пророки говорили. Если же и ихъ не слушаютъ, то хоть мертвый воскреснетъ, и того не послушаютъ» **).

Пока не обновятся сердца людскія новой вѣрою, нельзя ожидать перемены въ направленіи ихъ дѣятельности. Для насъ же, ясно видящихъ и понимающихъ все зло, творимое насиліемъ, Толстому нѣтъ надобности повторять то, что онъ уже такъ ясно высказалъ.

Вѣдькакъ и ужасы самодержавія, такъ и нашъ творимый социалистическимъ правительствомъ злодѣяній,—возможны только при попустительствѣ и потакательствѣ съ нашей стороны,—со стороны всего русскаго народа. А потому для прекращенія этого зла необходимо намъ самимъ, всему населенію Россіи, проникнуться сознаниемъ того, что такъ продолжать невозможно. Тогда, и только тогда, рухнетъ суевѣріе государственной власти и превратятся всѣ творимыя вооруженнымъ насиліемъ б-образія такъ же, какъ рушилось на нашихъ глазахъ самодержавіе.

И, слава Богу, по всему видно, что у народа открываются глаза и что онъ начинаетъ понимать все зло государственнаго насилія, въ чьихъ бы оно ни было рукахъ. А для того, чтобы предотвратить возможность новыхъ кровавыхъ распри, необходимо все большее и большее распространеніе истиннаго просвѣщенія среди рабочаго народа, отъ поведения котораго зависитъ вся дальнѣйшая судьба нашей родины.

И въ этомъ ничто не можетъ помочь такъ, какъ то, что Толстой уже высказалъ и записалъ намъ въ своихъ писаніяхъ. А для того, чтобы намъ всѣмъ глубже понимать и шире распространять то спасительное, общечеловѣческое живое слово, однимъ изъ выразителей котораго онъ былъ,—для этого нѣтъ надобности во второмъ пришествіи Толстого. И онъ и другіе просвѣтителіи челоѣчества оставили намъ такъ много духовной мудрости, что для ея полнаго усвоенія не хватало бы намъ и всей нашей жизни. А потому не въ новыхъ громовыхъ обличеніяхъ и страстныхъ призывахъ мы теперь нуждаемся. Намъ надобно только найти въ самихъ себѣ и развить до крайнихъ доступныхъ намъ предѣловъ ту духовную силу, посредствомъ которой только и возможно успѣшно бороться со зломъ.

Дѣло теперь не за Толстымъ, а за нами. И каждому изъ насъ дана возможность черпать нужная ему для жизни силы изъ того же божескаго источника, изъ котораго черпалъ свои силы Толстой.

В. Чертковъ.

Два убійства.

Почти одновременно два убійства. Убить въ Петроградѣ рукою неазвѣстнаго убійцы комиссара петроградской коммуны Володарскій (Гольдманъ). Разстрѣлять «по приговору революціоннаго трибунала» въ Москвѣ командующій Балтійскимъ флотомъ А. М. Щастный.

Нѣтъ и не можетъ быть оправданія петроградскому убійству. Оно преступно и оторачительно, какъ всякое убійство. И оно бессмысленно и вредно, потому что не уменьшаетъ, а увеличиваетъ зло, рождаетъ чувства мести и еще болѣе отражаетъ общественную атмосферу партійной ненависти и злобы. И это уже сказало въ рѣчахъ въ день похоронъ, гдѣ звучали призывы къ новымъ мстительнымъ убійствамъ. Красные будутъ менѣе красныхъ и бѣлыхъ, послѣдніе будутъ первыиъ. Такъ было въ Финляндіи,

*) Іоаннъ XIV. 28. (Переводъ Толстого).

***) Лука XVI. 29—31. (Переводъ Толстого).

такъ происходитъ на Кубани, на Дону, на Украинѣ. Зло рождаетъ зло и насилие—насилие. Вотъ почему, какъ бы ни было совершенно убійство Володарскаго, и какими бы соображеніями оно ни объяснялось,—оно недопустимо, оно преступно и должно быть заклеявлено.

Но, разумеется, не менѣ отвратительно и преступно и убійство Щастнаго, убійство по суду. Оно особенно гнусно и отвратительно, потому, что оно совершенно не подлѣ влияніемъ минутныхъ раздраженій, мести, злобы, а хладнокровно, по приговору, вынесенному послѣ многочасоваго совѣщанія судившихъ. И еще потому, что въ этомъ гнусномъ дѣлѣ заставили участвовать рабочихъ, и эти несчастные не нашли ничего лучшаго, какъ вынести приговоръ «отъ имени народа».

Какого? Гдѣ, когда онъ далъ имъ это право? Когда и кто могъ узаконить судебное или несудебное отнятіе жизни у себя подобныхъ?..

Нѣтъ и не можетъ быть оправданія убійствамъ безъ суда, но не могутъ быть оправданы и убійства по суду.

Въ чемъ бы ни были, или не считался виновнымъ А. М. Щастный (его обвиняли въ контрреволюционности и агитации среди матросовъ),—но никто не имѣлъ права посягать на его жизнь, хотя бы суды и прикрывались именемъ народа...

Несчастные, заблуждающіеся тѣ, кто учреждали эти суды и назначали этихъ верховныхъ «судей». Двойнѣ несчастны суды, опозорившіе рабочей классъ и унизившіе въ себѣ душу человѣка. И еще несчастнѣ красноармейцы, физическіе исполнители убійства.

Несчастнѣ же всѣхъ то общество и то устройство, при которомъ возможны эти зѣрства, это разараніе людей, это поруганіе надъ Богомъ въ человѣкѣ.

Мы протестуемъ, мы содрагаемся отъ ужаса убійствъ, но тѣмъ сильнѣе и горячѣе мы хотимъ—скорѣйшаго прозрѣнія и исцеленія всеобщаго дурмана.

* * *

„Не убій“.

Всѣ мы ужасаемся казнями и убійствами, всѣ мы гнушаемся этими преступнѣйшими актами, тѣмъ не менѣ мы какъ-то и примираемся легко съ этими событіями, ставшими—увы—столь постоянными, повседневыми. Вина ли тому сила создавшейся привычки? Конечно, эта сила значительно участвуетъ въ нашемъ относительно равнодушій къ убійствамъ и злѣйшимъ казнямъ и насиліямъ, совершающимся на нашихъ глазахъ надъ человѣческой душой, но я думаю, здѣсь имѣетъ громадное значеніе и наше общее отношеніе къ акту убійства или насилія.

Обычно, въ ужасѣ, вызываемомъ въ насъ убійствомъ, главное мѣсто занимаетъ наше искреннее сожалѣніе объ убитомъ человѣкѣ, о замученной жертвѣ насилія, передъ нами встаетъ ужасъ человѣка, выведеннаго на казнь, страданія его души, полной радости, жаждущей жизни и свѣта, линушей къ солнцу... Но—жертвы забываются (такова природа вещей), и какъ бы велика ни была наша скорбь о погибшемъ, въ нашей душѣ скоро наступаетъ успокоеніе.

Но гораздо больше слѣдуетъ горевать объ убиваемомъ, чѣмъ убиваемомъ. «Убить другого, я убить», говорить одинъ молодой поэтъ. Убила имѣетъ со своей жертвой убивать и свою душу, убиваетъ Бога въ себѣ; а это убійство божественной души гораздо важнѣе и ужаснѣе умерщвленія тѣла убитаго, ставшаго жертвой насилія, но сохраняющаго божественную оболочку души своей. Если мы будемъ думать больше о живущихъ среди насъ ужасныхъ убійцахъ, души свои проповѣдавшихъ и кровью покрывшихъ чистѣйшій ликъ Бога въ себѣ, тогда мы не сумѣемъ найти примиренія съ этимъ кошмарнымъ

явленіемъ. Въдѣ эти безобразные, жалкіе люди живутъ среди насъ сотнями, ходятъ съ нами, общаются съ нами; въдѣ эти существа еще способны на проявленія доброй воли, въдѣ испра Божія и у нихъ таятъ гдѣ-то подъ развалинами и пепломъ старѣющей души.

Я пишу эти строки подъ сибирскимъ впечатлѣніемъ казни въ Москвѣ 7 человекъ, приговоренныхъ къ разстрѣлу по суду трибунала. И эти несчастные члены трибунала, вынесшіе этотъ нечеловѣчскій приговоръ, осмѣливаются дѣйствовать отъ имени народа, отъ имени угнетенныхъ трудящихся массъ. Нѣтъ, народъ не палъ до того, чтобы, лишь получивъ свободу отъ прежнихъ законовъ, пользоваться этимъ для казней, для массовыхъ разстрѣловъ.

Кого же намъ больше жалѣть: несчастныхъ мучениковъ насилія, палачей или членовъ трибунала, убившихъ въ себѣ душу и Бога и изнасиловавшихъ свою совѣсть, и еще тѣхъ фактическихъ убійцъ, которые по невѣжеству своему исполняютъ злую волю начальства? Объ этихъ нравственныхъ самоубійцахъ, павшихъ до полнаго оцѣмнѣнія основныхъ человѣческихъ чувствъ, намъ надо непрестанно думать, думать о путяхъ и причинахъ паденія человѣческаго и остерегаться отъ нихъ себя и другихъ. Тѣхъ же жалкихъ людей, которые возмѣли смѣлость предписать смерью людямъ насильственную смерть, да и тѣхъ несчастныхъ, которые въ рабочемъ слѣпомъ повиновеніи своемъ исполняли этотъ безчеловѣчный приговоръ,—пусть тѣмъ замученныхъ преслѣдуютъ ихъ до пробужденія въ нихъ загложившей совѣсти и до сознанія раскаянія.

Народъ же, всегда въ глубинѣ души не переносившій насилія и не мало испытавшій на себѣ насилія властей, къ этимъ преступнымъ казнямъ не причастенъ, и эти гнусные акты властвующихъ ничего, кромѣ омерзѣнія и скорби, въ народѣ вызвать не могутъ.

Власти мѣняются, но душа человѣческая и ея законы вѣчны и никакими пудами и кровью не потрепетъ вѣчный блескъ краткой заповѣди на скрижаляхъ: «Не убій».

Москва, 2 июля 1918 г.

I. Таненбаумъ.

Неужели снова?

Что ни день, то новые декреты и новыя распоряженія отъ имени якобы народа, но не для спасенія его, не для постройки жизни, а для новыхъ боенъ, новыхъ разрушеній и углубленія всяческой розни и вражды.

Отмѣнена была солдатчина, и однако объявляется мобилизация. Черезъ день—новый приказъ о принудительномъ наборѣ рабочихъ, родившихся въ 1896 и 1897 годахъ, а еще на слѣдующій день въ Московскомъ Совѣтѣ представитель власти говорить уже о введеніи обязательной воинской повинности.

Другіе же дѣятели совѣтской власти даютъ и объясненіе, зачѣмъ это потребовалось, и какое употребленіе хотятъ они сдѣлать изъ этихъ новыхъ нѣсколькихъ десятковъ, а можетъ быть и сотенъ тысячъ молодыхъ людей, обреченныхъ нами въ жертву.

Самымъ недвусмысленнымъ образомъ на митингахъ представители правительства говорятъ о возможности борьбы противъ чехо-словаковъ и стоящихъ за ихъ спиной «бывшихъ союзниковъ». Въ какой-то борьбѣ, можетъ быть, примутъ участіе и нѣмцы, и финляндцы. Послѣдній «приказъ» относительно выселенія англійскаго десанта на Мурманѣ уже прямо говорить объ отправленіи на Мурманъ боевыхъ отрядовъ.

Что же, опять война?... И война уже не гражданская, а внѣшняя, и на этотъ разъ въ самой Россіи, на сѣверѣ, въ Приуральи.

Значитъ для того выбрасывался лозунгъ «дойди войну», для того мирились въ Брестѣ, шли на самыя тяжелыя экономическія условія мира съ Германіей, Австріей и Турціей для того, чтобы потомъ, совместно съ ними, на своей родной землѣ воевать противъ французовъ, англичанъ.

Какой позоръ съ точки зрѣнія общепринятыхъ понятій! И какой ужасъ для людей съ истинно-человѣческими взглядами!..

И это говорить и къ этому призываютъ, прикрываясь именемъ народа. Но кто, когда и гдѣ спрашивалъ его? Кому и въ какой формѣ онъ заявлялъ о своемъ новомъ желаніи быть убиваемымъ и подучать убійцъ? И развѣ есть основанія, чтобы существовала ненависть по отношенію къ недавнимъ союзникамъ.

Вѣдѣ если народъ хотѣлъ бы, то эта генеральная мобилизованная армія не была бы такъ численно ничтожной. А между тѣмъ, хотя правительство все повышаетъ и повышаетъ плату, но все-таки не можетъ набрать должнаго числа.

Но если они не хотят, то кто, какая власть, да еще казнящаяся рабочей и крестьянской, вправе тянуть его еще раз на бойню и снова обращать в пухечное мясо, во славу ли Вильгельма, или во славу комиссаров, — это все равно.

Пусть русский народ сам распорядится своей судьбой, и пусть не рассматривают его только как «сбрую скотину», которую можно гнать куда угодно. Такъ было. Но быть этого больше не должно.

Время испытанія.

Люди, вѣрящіе въ законъ любви, снова поставлены передъ возможностью самыхъ тяжелыхъ испытаній. Въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ объявлена принудительная и обязательная для всѣхъ рабочихъ мобилизація. При этомъ не сдѣлано никакихъ исключеній по отношенію къ людямъ, которымъ религія не позволяетъ быть солдатами; напротивъ, сказано опредѣленно, что за уклоненіе отъ исполненія этого распоряженія ожидаетъ жестокое возмездіе.

Въ отвѣтъ на это распоряженіе правительства люди, исповѣдующіе законъ любви, могутъ лишь обратиться къ нему тѣми словами, съ которыми первые ученики Христа обратились къ тогдашнимъ властямъ: «Судите, справедливо ли слушать васъ болѣе, нежели Бога».

Какъ сказалъ одинъ древній христіанскій учитель, «не можетъ быть никакого исключенія изъ заповѣди Божіей, что убить человѣка всегда грѣхъ». Самодержавное ли, или конституціонное, или республиканское, или социалистическое правительство приказываетъ взять въ руки ружье и идти убивать тѣхъ людей, которыхъ правительство это считаетъ вредными, люди, исповѣдующіе законъ любви, теперь, какъ и всегда, на это требованіе могутъ отвѣтить лишь одно:

«Совѣсть говорить намъ, что всякое убійство есть величайшее преступленіе, какое только можетъ совершить человѣкъ; а потому мы не можемъ по приказанію вашему, такъ же, какъ и всякаго другого правительства, обучаться убійству, а тѣмъ болѣе — совершать его надъ кѣмъ бы то ни было. Никакія мірскія, человѣчскія соображенія не могутъ заглушить голосъ совѣсти и разума».

И какимъ бы самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ ни подвергало правительство людей, вѣрящихъ въ законъ любви такъ же твердо, какъ правительство вѣрять въ законъ насилія, это не можетъ заставить ихъ нарушить самую первую и основную заповѣдь ихъ религіи: признать дозволеннымъ совершеніе величайшаго преступленія — убійства.

Время, которое мы теперь переживаемъ, готовитъ намъ трудныя испытанія. Будемъ же мы готовы достойно встрѣтить ихъ.

Н. Гусевъ.

Толстой объ убійствѣ.

Въ чемъ цѣнность жизни человѣка? Почему нельзя убивать людей? Все равно они умрутъ. — Цѣнность жизни въ томъ, что каждый человѣкъ есть особенное, единственное, никогда не бывшее прежде существо, имѣющее самостоятельное своей особенности назначеніе. Каждое существо есть особенный и нужный Богу Его органъ (Дневникъ 1904 г. 20 июня).

Нравственное ученіе каковъ бы то ни было невозможно при допущеніи законности убійства. Учить какой бы то ни было нравственности при допущеніи возможности законнаго убійства братья, все равно, что учить математику при допущеніи возможности равенства между 2-мя и 3-мя. (Изъ черновика рукописей 1892 г.).

Отказъ отъ разстрѣла рабочихъ*).

(Изъ воспоминаній бывшаго казачьяго офицера)

Вліяніе моего знакомства съ произведеніями Л. Н. Толстого было настолько сильно и продолжительнымъ, что трудилъ въ короткихъ словахъ передать хотя бы самую часть того, что я переживалъ и пережилъ съ той поры, какъ сталъ читать его великія творенія.

Я родился и выросъ въ казачьей станицѣ и между людей, которые служеніе Богу видѣли и понимали въ пошлѣйшіе перекосы, служеніи молебныхъ, въ исповѣданіи и прочихъ обрядахъ, какъ ихъ учили тому полка. Конечно, и я послѣдовалъ ихъ путемъ. Такимъ образомъ съ 15 до 20 лѣтъ я былъ строгимъ исполнителемъ всѣхъ обрядовъ церкви, и мать моя всегда радовалась, смотря на меня, съ какими удовольствіями я пошляю церковь и съ какими благоговѣніемъ я такъ себя держу. За это время, т. е. съ 15 до 20 лѣтъ, я выдержалъ экзамены на права 2 разряда по образованію, поступилъ въ юнкерское училище, окончилъ его и былъ произведенъ въ офицеры.

Въ юнкерскомъ училищѣ мнѣ впервые пришлось наблюдать нѣкоторыя товарищи, которые какіе-то необоротно относились къ церкви и ко всему, что въ ней совершается.

Былъ у насъ въ училищѣ одинъ офицеръ-академикъ, про котораго говорили, что онъ очень развитой человѣкъ и котораго, какъ рѣдкое исключеніе, очень любозно относились къ юнкерамъ и всегда откликался на всѣ наши просьбы.

Я однажды лично обратился къ нему съ просьбой указать, что я долженъ читать, чтобы понять жизнь. «Читай Толстого», отвѣтилъ онъ мнѣ. Но чтѣ именно Толстого, онъ не сказалъ.

Офицеромъ я попалъ въ одинъ изъ большихъ западныхъ городовъ. Жизнь давала много досугу, и я набросился на литературу, ища отвѣта, для чего мы живемъ и такъ ли мы живемъ. Тутъ мнѣ впервые пришлось натолкнуться на религіозное ученіе духоборовъ и отзывомъ о нихъ вѣръ Толстого. Изъ этихъ отзывовъ я отчасти уже понималъ, что Толстой отрицаетъ убійство и клятву, и что въ этомъ онъ расходится съ церковью, которая разрешаетъ убійство и клятву для войны. Ближе я познакомился съ его произведеніями, когда прочелъ сборникъ статей Миссіонерскаго Обозрѣнія, изданіе В. М. Смирнова, по поводу отпаденія отъ православной церкви графа Л. Н. Толстого. Несмотря на то, что сборникъ этотъ написанъ былъ понаимѣе съ цѣлью показать религіозное заблужденіе Толстого и тѣмъ предостеречь другихъ людей отъ соблазна, высказываемаго Толстымъ, на меня этотъ сборникъ произвелъ дѣйствіе какъ разъ обратное. Изъ тѣхъ выдержекъ изъ писаній Толстого, которыя приводились въ сборникѣ, я увидѣлъ всю правду ученія Толстого, а изъ критики разныхъ отношеній церкви на эти выдержки, я увидѣлъ все ихъ безсиліе доказать, что Толстой неправъ.

Настала 1906 года, я сталъ получать журналъ Всемирный Вѣстникъ, издаваемый С. Сухановымъ. Въ этомъ вѣстникѣ впервые печатались въ Россіи недозволенные разсѣяніи Толстого. Я прочиталъ «Исповѣдь», «Въ чемъ моя вѣра», «Жизнь и ученіе Иисуса», «Такъ что же намъ дѣлать» и множество другихъ произведеній Толстого. Я нашелъ теперь, чѣмъ замѣнить въ себѣ старую церковную вѣру: епоступилъ съ другими такъ, какъ ты желалъ, чтобы поступали съ тобой, или: «не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ, вотъ въ чемъ весь законъ и пророки». Но усвоивъ новое религіозное жизнепониманіе, я увидѣлъ, что моя жизнь не согласуется съ идеями ученія Христа. Христосъ запретилъ убивать и клясться, а я не только самъ всегда готовился на убійство, но и готовлю къ этому другихъ людей, которые мнѣ вѣрять по своей душевной простотѣ. Увидѣвъ несоотвѣстность моего дѣла съ ученіемъ Христа, я понялъ, что мнѣ нельзя болѣе оставаться на военной службѣ и одновременно слѣдовать ученію Христа, такъ какъ нельзя одновременно служить Богу и мамонѣ. Военное дѣло, къ которому я и ранѣе не имѣлъ особаго влеченія, теперь для меня стало большой тяжестью, такъ какъ я долженъ былъ учить людей тому, что мое новое жизнепониманіе строго осуждало; но и уйти на другое дѣло я тоже не могъ, не будучи ни къ чему подготовленъ, кромѣ ирригаторикъ. Я сталъ поджидать удобнаго случая, который бы позволилъ мнѣ избавиться отъ прочаго мой совѣсти дѣла. На третьемъ году моей службы офицеромъ случай этотъ представился.

*) Воспоминанія эти написаны были еще въ 1912 г. бывшимъ офицеромъ М. И. Рубцовымъ, въ отвѣтъ на запросъ нашего сотрудника К. С. Шохоръ-Троцкого о подробностяхъ его отказа, въ 1906 г., отъ разстрѣла рабочихъ. Несмотря на 12-лѣтнюю давность, событія, озаглавленные здѣсь, настолько близко къ переживаемому нами моменту, что, какъ намъ кажется, представляются въ настоящую минуту особенно интересъ. Ред.

Для еще большей ясности доложу здесь добавить, что к моменту этого самого события во мнѣ вполнѣ твердо установились два мнѣнія. Первое то, что вся наша армія, содержащая на народных средствах, существует не для защиты народа и его имущества, а наоборот, для защиты и сколачивания сотни князей и дворян и исколковых тысяч очень богатых людей, потерявших честь и совесть и живущих на средства народа; а дабы этот народ, проснувшись умственно, не мог возстать против нарушенную справедливость, — держать огромная армія вооруженных людей, которых и направлять правительством на простой народ, когда он занимает право на человеческое существование. Точно также я видѣлъ, что и вѣдѣнія войны настоящего времени, какъ наступательная, такъ и оборонительная, кромя зла и страшнаго несчастья, ничего народу не принесеть. Второе мое мнѣние, оттолкнувшее меня отъ военщины — это было сложившееся во мнѣ, подъ влияніемъ знакомства съ писателями Л. Н. Толстого, убежденіе въ грѣховности всякаго убійства. Я же не только долженъ былъ быть всегда готовымъ убивать по приказанію, но и долженъ былъ всю мою службу учить этому другимъ, простымъ людям, которые мнѣ вѣрили, какъ человеку, болѣе ихъ знающему, и иногда за совесть, а иногда за страхъ должны были исполнить мои самая безчеловѣчная приказанія.

По производствѣ моего въ офицера, въ 1904 году, я былъ зачисленъ въ 5-ый Донской Кавказій полкъ, который къ тому времени былъ расквартированъ въ г. Лодзи, Петроковской губ. Вскорѣ и прибылъ въ полкъ и безвылазно остался въ Лодзи почти до конца 1906 года, близко наблюдая безпрестанную жизнь фабричныхъ рабочихъ и безчеловѣчную съ ними расправу фабрикантовъ при помощи войска.

21 декабря 1906 года, въ 10 часовъ вечера я былъ вызванъ въ полковую канцелярію, и мнѣ передали распоряженіе командира полка, что я на эту ночь поступаю въ распоряженіе одного изъ нашихъ старшихъ офицеровъ, который назначаетъ начальникомъ экзекуціи, и долженъ буду принять командованіе надъ взводомъ казаковъ при расстрѣлѣ рабочихъ, осужденныхъ на смертную казнь военно-полевыми судами.

Я молча выслушалъ приказаніе начальника экзекуціи и затѣмъ, пока шло приготовленіе къ казни: шли наши жеполюковые писаря три савана, посылали фурманку сперва за кандаломъ, а потомъ за лютеранскимъ пасторомъ, которые также должны были присутствовать при казни и на мѣстѣ ея въ послѣдній разъ съ Евангеліемъ въ рукахъ засвидѣтельствовать ложь того дѣла, которому они служатъ, — и все это время думать о томъ страшномъ дѣлѣ, совершеніи котораго отъ меня теперь требуютъ. Въспомнивъ всѣ изложенные мною выше взгляды, я увидѣлъ, что судьба моей дальнейшей жизни должна сейчасъ же рѣшиться: я либо долженъ буду, спасая свою совесть, отказаться отъ службы, либо наоборотъ, спасая службу, погубить свою совесть, ибо не могло уже быть поворота на путь добра и правды послѣ того грѣховнаго дѣла, которое мнѣ предстояло исполнить. Жизнь безъ идеала мнѣ представилась невозможной и недостойной человека, и я рѣшилъ отказаться отъ возложеннаго на меня дѣла. Около 12 часовъ ночи, когда всѣ приготовления къ казни были закончены, я спросилъ у начальника экзекуціи, когда же были приговорены осужденные къ смертной казни? «Они еще не приговорены — судъ еще идетъ теперь, но это все равно — ихъ рѣшили расстрѣлать уже раньше». «Такъ вотъ какой судъ, подумалъ я, только для виду. Значитъ они собираются совершить обьявленное убійство, карасное нашими уголовными Законами! И я ужаснулся готовящемуся преступленію и еще тверже сталъ въ своемъ рѣшеніи отказаться. Когда затѣмъ черезъ несколько минутъ ко мнѣ подошелъ начальникъ экзекуціи и пригласилъ отправиться съ нимъ къ нему на квартиру, чтобы выпить чашку чаю и немного закусить передъ дѣломъ, — я сказалъ ему, что къ нему и не пойду и отъ командованія надъ казаками при расстрѣлѣ рабочихъ я отказываюсь. Экзекуторъ растерялся. Въ канцеляріи поднялась суматоха. Затѣмъ мнѣ предложили написать рапортъ о моемъ отказѣ. Я написалъ, что, вследствие несогласія мною убѣжденій съ приговорами полевыхъ судовъ, я отъ исполненія возложеннаго на меня порученія отказываюсь. Вскорѣ въ канцелярію явился командиръ полка; на немъ отъ этого не было лица. Онъ набросился на меня со словами: «Ага, попался! Довольно мнѣ казаковъ-то мучить». Затѣмъ приказалъ обезоружить меня и арестовать. Вскорѣ и сидѣлъ въ отдельной комнатѣ, къ наружной двери которой былъ приставленъ казакъ съ обожженной шапкой.

Очугнувшись въ отдельной комнатѣ, и облегченно вздохнуть. Сердце мое было полно радости, что поступилъ именно такъ, какъ требовала моя совесть. О томъ же, что меня ожидало впередъ, я нисколько не безпокоился, такъ какъ уже твердо рѣшилъ идти до конца по пути, которымъ пошелъ и все пережить, что бы ни случилось...

Затѣмъ все пошло по обьявленному. Три мѣсяца до суда я отсидѣлъ въ Варшавской крѣпости. Затѣмъ дѣло мое разбирали при закрытыхъ дверяхъ въ Варшавскомъ Военно-Окружномъ Судѣ, которыхъ я, къ великой моей радости, былъ исключенъ со службы съ потерей некоторыхъ правъ и преимуществъ, т. е. съ такимъ ограниченіемъ, что меня уже никогда не могутъ взять на военную службу, какъ человека, не только неподходящаго для этого дѣла, но хуже того — даже вреднаго военщинѣ. Къ заключенію же въ крѣпости меня судъ не приговорилъ, и я на второй день послѣ суда получилъ политическую свободу. Послѣ исключенія со службы я остался безъ всякихъ средствъ къ существованію, но у меня была твердая вѣра, что я не погибну. И действительно, въ чужомъ для меня городѣ нашлись добрые люди — евреи. Но только русскіе чиновники и помы, которые проживаютъ въ Лодзи, меня оттолкнули, какъ только узнали, что за дѣло я совершилъ, и закрывали предо мной свои двери, какъ предъ замурованными. Эти евреи сами наши мѣня и приняли, какъ родного изъ брата, оказывали и моральную и материальную мнѣ помощь въ продолженіи несколькихъ мѣсяцевъ; они же нашли для меня мѣсто въ Перелѣ съ приличнымъ окладомъ содержанія и проводили меня туда съ душевнымъ пожеланіемъ всего наилучшаго. Услуга, оказанная мнѣ евреями, тѣмъ болѣе приобретаетъ цѣну, что они приняли меня, чуждаго имъ пришельца, какъ своего родного человека, и сдѣлали для меня столько добра, что объ этомъ я не забуду во всю мою жизнь. Съ тѣхъ поръ я и не только никогда не жалѣлъ, что оставилъ легкую въ смыслѣ труда службу, но сталъ рѣшительнымъ отрицателемъ военщины, считая это дѣло величайшимъ зломъ въ мѣрѣ. Подъ влияніемъ же ученія Толстого я считаю великимъ несчастіемъ употребленіе всякаго спиртнаго напитка, и вообще по мѣрѣ силъ стараюсь осуществлять въ своей жизни заветы великихъ учителей любви и нравственной жизни (сюда относятся и отказъ отъ убойной пищи, стремленіе жить трудами рукъ своихъ, и т. п.).

Матвей Рубцовъ.

Донская область.

Интеллигенція и народъ*).

(Продолженіе)

II.

Послѣ того, какъ была написана первая глава этой статьи мнѣ пришлось прочесть въ одномъ журналѣ статью, глубоко порадовавшую меня тѣмъ, что, хотя и написанная лицомъ интеллигентнымъ, она подтверждаетъ тѣ самыя мысли, которая я постарался здѣсь высказать. Вотъ некоторые выдержки изъ нея**):

«До революціи «буржуазная», какъ теперь выражаются, пресса провозгласила лозунгъ: война до полной побѣды. Лозунгъ казался вѣрнѣйшимъ. Его равно поддерживали общество и старое правительство. Одновременно съ нимъ была провозглашена и другая лозунгъ: прежде побѣда, послѣ реформа. Теперь, вѣроятно, всѣ уже объ этомъ забыли или стараются забыть по такимъ вещей не слѣдуетъ забывать...

«Я вспоминаю обо всемъ этомъ для того, чтобы обьяснить странное, на первый взглядъ, явленіе: почему, почти на другой день послѣ революціи, старый лозунгъ «война до полной побѣды» — сталъ вдругъ столь ненавистнымъ. Широкая масса народа захотѣла что ли нѣтъ подѣ власть нѣмцамъ? Претать французамъ и англичанамъ? Многие въ такомъ родѣ и думали. Когда раздалась крики «одолой войну», мы всѣ, до сихъ поръ говорившіе: война до побѣднаго конца — прили въ ужасѣ. Намъ показалось, что всѣ русскіе люди стали предателями. Но, конечно, это не русскіе люди стали предателями, а мы научились понимать настроенія и языкъ массы. Мы хотѣли, чтобы народъ говорилъ и чувствовалъ по нашему...

«Простые, невѣжественные люди могутъ постигнуть своимъ единственнымъ путемъ, можетъ путемъ своего физическаго страданія — и правду вѣдуть, ту правду, которую мы, по своему высокомерию, считали своей неотъемлемой принадлежностью. Какъ примѣръ — отношенія къ войнѣ. Пока цезарь закрывалъ ротъ народу — всѣ возмечивали войну. И особенно много хвалебныхъ гимновъ о войнѣ раздавалось какъ разъ въ лагерѣ тѣхъ писателей, которые считали себя христіанами и проповѣдовали именемъ Божіимъ. Сейчасъ народъ, три года невольно безмолвствовавшій, загворилъ, и мы услышали его правду, такъ мало похожую на нашу прежнюю правду. Мы стали молчать, возмущаться. Но какому праву народъ, который долженъ насъ слушаться, загворилъ такъ вѣстно? Мы — гниющаго духа, слово принадлежать намъ. И тутъ, говорю я, сказались

* Началъ см. № 1 (7) «Голосъ Толстого и Евгенія».

** «Где дѣлать» Л. Ш. «Христіанскій Мысль» 1918, № 7.

наша отчужденность от народа, наше буржуазное высокомерие. Мы начитались в западных, главным образом немецких, книгах об империалистических идеях, о борьбе рас и народов и привыкли думать, что наши мысли есть наше народное достоинство. Но это было не наше достоинство, а это было чужое добро, ваятое нами нарочито из Европы. Ведь то, что мы писали и говорили, было лишь повторение, почти буквальное, того, что говорили немцы. Немцы хотели всех победить, и мы за ними потянулись—непрестанно нужно всех победить и всех сокрушить. Но народ хочет другого. Народ не в нас видит выразителя России, и не в наших идеях... В прошлом и в недалеком прошлом, быть в России человеком, который умел подслушать голос народный и стать народным соотечественником, всякий сразу поймет, что я говорю о Толстом. Когда я слышу на улицах возгласы—война без аннексий, без контрбуш, когда я читаю в газетах о братаниях с врагами в окопах, я не могу не вспомнить о Толстом. Нить у русских людей ненависти к врагу. Они хотят мира и правды, а не победы и торжества...

«В противоположность немцам, а может быть не только немцам, но и всем западным народам, русские относятся не то, что равнодушно, а даже враждебно к упоению победой. В буржуазных классах этого не могут понять. Как не хотеть победы, торжества? Многие думают, что в этом отношении к победе скрывается слабость, безволие русского человека. И считают своей нравственной обязанностью пробуждать в народ чувство чести и достоинства. В этом деле писатели—не отстают от промышленников, дворян и купцов. И никому не приходит в голову та простая, как-будто бы, мысль, что теперь, когда на смену самодержавному строю—пришел новый строй свободы и народоправства, нельзя уже насильно навязывать народу свое понимание. И еще меньше хотеть думать о том, что наступила пора прислушаться к голосу народа и кой-чему у него поучиться. Образованным людям представляется, что образование дает им право рить за народ и даже судить народ».

Это поразительное непонимание интеллигенцией народа в связи с войной—важнейшим общественным явлением последних лет—вовсе не является случайным исключением. На этом примере только особенно ярко обнаружилась обща душевная оторванность нашей образованной среды от простого трудового народа. И печальнее всего то, что такое непонимание истинных стремлений и внутренних потребностей рабочего народа присуще не только той части нашей интеллигенции, которая равнодушна к его интересам, но что столь же мало понимают народ и те представители интеллигенции, которые искренно желают и самоотверженно готовы ему служить. При этих условиях неудивительно, что простой народ относится к интеллигенции не только недоверчиво, но часто недоброжелательно и даже враждебно. И особенно грустно то, что жертвой этого трагического взаимного недоразумения часто становятся такие люди из интеллигентной среды, которые совершенно отрывались от своих личных интересов, посвящая все свои силы служению тому, что они считали народным благом.

Когда вопрос касается этой печальной розни, то приходится обыкновенно слышать возражение о том, что не следует слишком на ней останавливаться, чтобы не обострять и без того уже достаточно враждебных отношений народа к интеллигенции.

Подобная опасения, как мне кажется, неосновательны. Истинный характер существующих между интеллигенцией и народом отношений никак лучше не создается, чем самим народом. А потому, если среди нас, интеллигентов, начинает проявляться сознание того, что отношения эти неправильны и что следует направить свои усилия для их улучшения, то это может только послужить первым шагом к большему пониманию нас со стороны народа. И хорошо, если в этом вопросе мы, представители интеллигенции, не побоясь смотреть правду в глаза, называть вещи их именами и откровенно сознаваться в наших ошибках. Ничего лучше этого не могло бы вызвать к трудовому народу доверие к нашей искренности.

Возражают также, что нельзя все население страны разделять на две категории: интеллигенцию и рабочий народ. «Вся люди равны», говорят нам, «и потому нужно избирать всяких представителей их по рубрикам и разрядам». К тому же, как мы определили разницу между интеллигентным и неинтеллигентным трудом? И, главное, точной границы между представителями этих двух родов деятельности провести невозможно. Наконец, ошибочно противопоставить, провести невозможно. Наконец, ошибочно противопоставить, провести невозможно. Наконец, ошибочно противопоставить, провести невозможно. Наконец, ошибочно противопоставить, провести невозможно.

Исправится ли нам или нет такое разделение, но нельзя закрывать глаза на тот факт, что все население страны разделяется на две части: одна, самая большая, состоящая из рабочего народа, зарабатывает свое пропитание физическим трудом; другая, сравнительно немногочисленная часть населения, так называемая интеллигенция, живет умственным трудом. При этом рабочий народ, кроме себя, содержит и интеллигенцию, снабжая ее всеми предметами первой необходимости. Действительно желательно, чтобы этого различия не было. Но уничтожиться оно может не тем, что мы на словах будем отрицать его существование, но единственно тем, чтобы люди интеллигентные занялись, наравне с рабочими, физическим трудом.

Точно так же желательно и всеобщее равенство; но и его на деле не было и не могло быть, пока рабочий народ вынужден был своим физическим трудом содержать всю интеллигенцию.

То, что действительно не всегда возможно провести точную черту между этими двумя разрядами людей, нисколько не доказывает того, что разряды эти не существуют. Мало ли бывает не только в человеческой жизни, но и вообще в природе всяких групп, совершенно между собой различных, но связанных промежуточными звеньями, которые невозможно отделить от этих групп.

Что люди интеллигентные иногда напряженнее трудятся и беднее живут, чем рабочие,—это совершенно верно. Например, в высшей степени благодатное положение тысяч представителей нашей учащейся молодежи, которые в погоню за тем, что они считают просвещением, живут в отвратительных условиях городской нужды, питаются голодом и переутомляются мозговым трудом. По сравнению с этими несчастными людьми, положение многих рабочих поистине представляется недостижимым благосостоянием. Но что же это доказывает? Нисколько не то, что эта молодежь, вследствие своей ненормальной и быстрой жизни, перестает принадлежать к категории людей умственного труда, жмущихся, как ни скудно, но все же всецело на счет рабочего народа.

Отрицать наличие этих двух отбывающих группу населения значило бы только затенять, а не изменять той великой важности вопроса о взаимном приращении их деятельности и устранении существующей между ними душевной розни, который в настоящее время стоит перед нами.

До революции наша интеллигенция занимала, по сравнению с рабочим народом, привилегированное положение. Почти исключительно из ее рядов выходили все должностные лица и деятели, правительственные и неправительственные, которые руководили государственной, общественной и промышленной жизнью и вообще так или иначе разпорочились трудом народа. В то время из среды самой интеллигенции только изредка раздавались протестующие против этой несправедливости голоса. Равнодушные и сильные всего обличали это все тот же Толстой, утверждавший, что напрасно интеллигенция присваивает себе руководящее положение, что ей следует учиться жизни у народа, а не наоборот, и призывавший образованных людей слезть с шеи рабочего народа, стать вместе с ним и делить с ним его тяжелый физический труд. Такой призыв был, естественно, мало призываем для нашей замкнутой интеллигенции, не признавшей своего греха перед народом и считавшей себя учителем и руководителем «непросвещенных» народных масс.

Революция изменила это положение вещей. По мере того, как рабочий народ все больше и больше становится своим собственным хозяином, взаимоотношение между ним и интеллигенцией изменяется к лучшему, и интеллигенция постепенно переходит из положения господина, желающего руководить народом, в более ей подобающее положение слуги, желающего удовлетворять потребностям народа и тем оправдать свое существование.

Эта перемена начинает самым благотворным образом отражаться на настроении и образ жизни самой интеллигенции. Многие из этой среды, правда, трудно привыкнуть со своим новым положением, и у них возникает чувство обиды, возмущения и горечи. Но другие, более душевно подвижны, сознавая неизбежность наступившей перемены и новые общественные условия и начиная к этому привыканию, принимаясь за физический труд и приглядываясь к тому, в чем они могут хоть сколько-нибудь действительно удовлетворить предъявляемый со стороны народа спрос на их познания.

Главное же то, что из рядов самой интеллигенции начинают все чаще и чаще раздаваться голоса, призывающие свою среду принять свои прежние ошибки и скоро пойти навстречу складывающимся новым условиям. Явление это так очевидно и так много heraldует обещать в будущем, что можно себя привести к великому сожалению на эту тему из двух

появившихся, за последнее время, в периодической печати статей, одна из которых уже была мною выше цитирована.

Изъ статьи «На новый путь», М. А. Осоргина:

«Сейчас время помогать не сочувствием плачем и не отвратимым унынием, а призывом къ мужеству и къ строгой оцѣнкѣ своихъ силъ...»

«Въ артели объединяются интеллигентные газетчики, грузчики и пр.

«Такое движеніе, порожденное угрозою голодомъ, нужно приветствовать горячо. Больше того—ему нужно радоваться!..»

«Извѣстная доля паразитизма русской интеллигенціи позднѣйшей формации дѣйствительно была свойственна—грѣха таить нечего...»

«Во дни оныя интеллигенція жаловалась, что ее не пускаютъ къ народу. Вотъ теперь—превосходный случай воспользоваться возможностью полного слиянія съ народомъ на равныхъ началахъ, а не то, что мы ораторы, а народъ—слушатель, мы—учитель, а онъ—ученикъ...»

«Ни отгораживаться, ни выдвигать себя страдальцами и вообразить себя героями не должны и тѣ безработные интеллигенты, которые идутъ сейчасъ на черную работу. Итти, какъ шли всѣ, кому бабушка не ворожила и за кого Гапа съ мамой не платили въ гимназіи и въ университетѣ...»

Изъ статьи «Что дѣлать?» Л. Ш.

«Если меня спросятъ, грѣшна ли буржуазія вообще и въ частности буржуазія русская противъ народа, я безъ всякихъ колебаній скажу: грѣшна. Много и тяжкихъ грѣховъ несли на себѣ буржуазія. И если сейчасъ въ проснушемся и раскоченномъ отъ столѣтнихъ цѣпей народѣ мы слышимъ голоса негодованія и гнѣва, то мы возмущаемся не въ правѣ. Больше того, первый шагъ нашъ есть покаяніе въ прошлыхъ грѣхахъ, вольныхъ и невольныхъ...»

«Спросимъ себя: правы ли простые люди, когда они обвиняютъ насъ, людей болѣе или менѣе устроившихся? И я, хотя и самъ принадлежу къ обвиняемымъ, открыто и твердо скажу: да, правы. Не только фабриканты и помещики, которыхъ обыкновенно вкидывъ въ черную голову, не только инженеры, офицеры и врачи, но даже и писатели свѣтскіе и духовные, вѣрующіе и невѣрующіе, всѣ мы за рѣдкими исключеніями тяжело виноваты не только передъ народомъ, но и передъ Россіей... Выпивками всѣхъ трудностей, которая выпадаетъ и выпадутъ на долю Россіи, является не кто другой, а мы сами. Мы, старшія поколѣнія имѣвшей Россіи, мы не умѣли тѣ время противопоставить разрушительнымъ стремленіямъ прежняго правительства свое иское, vlastное слово... Намъ нужно теперь терпѣливо и стойко принять на себя послѣдствія ихъ дѣйствій. Сознаніе своей вины въ прошломъ научить насъ многому и въ настоящемъ...»

«И мы, писатели, проповѣдывавшіе терпѣніе низшимъ классамъ, должны теперь обратить и съ такой же орошительностью къ высшимъ классамъ. Что и говорить, трудно сейчасъ и фабриканту, и чиновнику, и офицеру, и священнику. Трудно, обидно, мезаносимо обидно. Много хуже, чѣмъ ремесленнику или крестьянину. Но нужно терпѣть, нельзя превращать свои трудности въ невинность и озлобленіе. Народъ терпѣлъ цѣлыя столѣтія. Потеримъ теперь и мы, можетъ-быть, годы...»

В. Чертковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ жизни.

На углу.

На углу улицы и площади, близъ сквера какой-то толпа. Посерединѣ не то мастеровой, не то рабочий, скромно одѣтый, съ корзинкою въ рукахъ. Около него милиционеръ съ револьверомъ за поясомъ, съ винтовкой за плечами. Человѣкъ съ корзинкой, взволнованный и блѣдный, робко жметъ къ стѣнкѣ. Около него, горячо жестикуюлируя, что-то говорить милиционеру студентъ-технологъ. Милиционеръ нахлѣдетъ и, накладывая руку на плечо, громко заявляетъ:

— Все равно, пойдите въ комиссаріатъ. Я васъ прошу.

— Ну зачѣмъ же я, милый человѣкъ, пойду туда. Вѣдь я же равно ничего не сдѣлалъ. У меня дома семья. Идите лучше сами, а меня оставьте.

— А я вамъ говорю—идите. Значитъ должны исполнять приказанія совѣтской власти.

Окружающіе, и студентъ-технологъ въ томъ числѣ, пытаются тоже убѣдить милиционера, что тащить его въ сущности незачѣмъ.

Тотъ смягчаетъ тонъ и уже голосомъ не «властно», а просто человѣка заявляетъ:

— Да что вы, боитесь что ли? Я не понимаю...

Тогда, услышавъ этотъ простой человѣчскій языкъ, человѣкъ съ корзинкой вдругъ срывается съ мѣста, бросается къ милиционеру и дрожащими, прерывистыми отъ волненія голосомъ говоритъ, обращаясь и къ нему и къ окружающей толпѣ:

— Ну какъ же не бояться. Разумѣется, боюсь.

И всѣ мы, какъ огня, боимся комиссаріатовъ. Вѣдь схватятъ, посадятъ и сиди, а то еще и разстрѣляютъ. А я ничего не сдѣлалъ; у меня семья; я не хочу умирать. Разумѣется, боюсь.

Милиционеръ опѣшилъ?

— Ну за что же васъ разстрѣляютъ?

— Да тамъ послѣ разбирайся, за что и почему. За то же, за что разстрѣливаютъ ежедневно десятками на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ.

— Да это же неправда...

— Охъ! Я не знаю. Можетъ быть и неправда, но каюсь, что боюсь. Страхъ какъ боюсь. Пустите, пустите меня; прошу васъ...

— А вправду, товарищъ, отпустите, слышите кругомъ.

Милиционеръ колеблется. Но потомъ, подумавъ, вдругъ замахиваетъ рукой:

— Ну такъ и быть! Богъ съ тобой. Иди своей дорогой. Прошу васъ разойтись.

— Спасибо, спасибо, милый человѣкъ. По гробъ жизни не забуду. Отъ вѣрной смерти избавилъ. Вѣчно буду Бога молить. Спасибо...

Толпа въ некоторое время обступаетъ случай и потомъ расходится.

Деревенская жизнь.

Волна февральской революціи, почти независимо отъ собственной воли и разумнаго критическаго отношенія ко всему происходящему вокругъ, втянула и меня въ работу по обвиненію жизни. Было такъ весело и радостно работать въ первое время, что почти не замѣчалъ нѣкотораго противорѣчія между этой работой и исповѣдуемымъ мною убѣжденіемъ о сущности жизни: не принадлежи ли къ какой партіи, я все же находилъ возможнымъ работать сообща съ партійными людьми. И только когда 3 и 5 июля на улицахъ Петрограда пролилась терпимая отъ междоусобицы братская кровь, я работать уже болѣе не могъ.

Работа моя заключалась въ томъ, что ѣздить по селамъ и деревнямъ и особенно въ тѣ мѣста, гдѣ происходили какіе-либо недоразумѣнія между крестьянами, и старался ихъ улаживать, такъ какъ судовъ и начальства, слава Богу, не было. Такъ какъ безъ нихъ еще не привыкли обходиться, то такіе недоразумѣнія возникали очень часто и иногда по самому незначительному поводу. Мнѣ съ Божьей помощью почти всегда удавалось ихъ улаживать гораздо лучше и легче, чѣмъ это достигалось посланкой вооруженныхъ отрядовъ; полагаю—по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что я безпартійный, и крестьяне какъ-то лучше меня понимали, какъ тоже безпартійные. Во-вторыхъ, я, вмѣсто сложнаго партійнаго программъ, старался говорить о Богѣ, о любви къ Нему и отсюда вытекающей любви ко всѣмъ людямъ—братства, слѣдствіемъ чего должна явиться справедливость, равенство и братство. И чувствовалось, что такіе слова находили живой откликъ въ дурахъ поселянъ, и спорные вопросы послѣ таковой бесѣды почти всегда разрешались благополучно. Часто подобныя спорныя и дѣловыя собранія по моему предложенію заканчивались пѣніемъ молитвы Господней: Отче Нашъ. Живо и безъ ошибочнаго сознанія, что въ слова молитвы вкладывался смыслъ искренняго благодаренія Отцу Небесному за все то, что кончалось мирнымъ путемъ, согласно Его волѣ.

Когда началось освободительное движеніе, то жители деревни чужо стали жителями жертвами неограниченнаго отноше-

ния из общему делу со стороны отдельных лиц, старавшихся использовать попавшую в их руки власть, как орудие для сведения счетов с своими личными врагами. Так было здесь, в с. Берхнемь С.

Дьякон села Верхнего С. не поладил с мѣстной интеллигенцией, работавшей в кооперативѣ и кредитномъ товариществѣ этого села. Будучи человѣкомъ крайне нервнымъ и не уравновѣшеннымъ съ явной склонностью къ властолюбію въ то же время очень способный и предприимчивый — онъ всегда составлялъ рѣзкую оппозицію всемъ участникамъ кооперации. Последніе не остались у него въ долгу и, составляя большинство, выкурили его изъ занимаемой имъ должности члена правления. Послѣ происшедшаго въ декабрѣ переворота дьяконъ оказался сельскимъ комиссаромъ и въ первую очередь обратилъ внимание на своихъ личныхъ враговъ. Раздуть изъ ничего обвинение противъ мѣстнаго учителя, вытаскавъ арестовать его. Но послѣдній, узнавъ объ этомъ, скрылся. На блуду дьякона у учителя оказалась большая поддержка въ лицѣ его друга, занимавшаго должность уѣзднаго комиссара (что уже значительно выше сельскаго комиссара) и возбуждавшаго дѣло о принадлежности дьякона къ союзу истинно-русскихъ людей. (Дѣло, какъ и всѣ подобнаго рода дѣла, очень темное). Въ результатѣ дьяконъ былъ арестованъ и препровожденъ въ губернскую тюрьму.

Арестъ этотъ производилъ уѣздный комиссаръ съ прибавившимъ отрядомъ кавалеристовъ, надѣлавшимъ много шума на все село. Дьякона схватили на второй день Пасхи по выходѣ его изъ храма, причемъ съ его беременной женой сдѣлался ударъ. Она преждевременно родила ребенка, появленіе котораго едва ли не стоило ей жизни. Ребенокъ вскорѣ умеръ. Кроме того, за нѣсколько дней передъ этимъ начался отрядъ, почти мальчишій, офицеръ, при задержкѣ какихъ-то преступниковъ по неосторожности выстрѣлилъ изъ револьвера и убилъ женщину, у которой осталось четверо дѣтей, а мужъ ее былъ на войнѣ.

Все это вмѣстѣ взятое ужасно волновало все населеніе села — въ десять тысячъ душъ. Только и было разговору о происшедшемъ. Ходили самые недобрые слухи: будто въ училищѣ и другія мѣста привезено много оружія и динамиту и т. п. Какъ я уже замѣтилъ, дьяконъ всегда стоялъ въ оппозиціи къ мѣстной интеллигенціи и чтобы привлечь на свою сторону населеніе, обещалъ народу всякія матеріальныя блага. Разумеется, все село перешло на его сторону. Послѣ его ареста были созваны сходъ, который выбралъ ходоковъ и, снабдивъ ихъ средствами, отправилъ въ губернской совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ съ просьбой немедленно освободить дьякона изъ тюрьмы, какъ друга народа, посаженнаго въ тюрьму его врагами. Уѣздный комиссаръ воспротивился освобожденію дьякона, ссылаясь на то, что если освободить его, то немедленно начнется разгромъ интеллигенціи. Дѣло затянулось, ходоки ждали дѣлу недѣлю. Село, не получая никакихъ вѣстей, волновалось. Въ это время въ село прибыло много солдатъ съ позиціи. Выслушавъ обо всемъ происшедшемъ, солдаты рѣшили дѣйствовать иначе. Собравшись въ количествѣ 20 человѣкъ, они пріѣхали въ губернію (общество снабдивъ ихъ средствами), стали требовать немедленнаго освобожденія дьякона изъ тюрьмы и въ случаѣ отказа грозили освободить его силой. Въ это время совѣту стало известно, что солдаты отправились въ 60-й полкъ подвѣять его на помощь для освобожденія невиннаго узника. Полкъ заволновался. Въ виду серьезности положенія экстренно было созвано собраніе президіума совѣта и уѣзднаго исполнительнаго комитета. Былъ поставленъ вопросъ: какъ быть? Не освободить дьякона — грозитъ солдатскій бунтъ, а освободить — грозитъ воцрѣмъ интеллигенціи. Положеніе казалось безвыходнымъ. Послѣ долгаго и бурнаго обсужденія рѣшено было освободить дьякона изъ тюрьмы, а чтобы ничего не произошло печальнаго, также рѣшено было послать въ село и меня. Кроме того постановили образовать комиссію изъ 7 лицъ для разбора дѣла на мѣстѣ. На другой день уѣзцы были освобождены, и я поѣхалъ въ перепуганное село.

Поселившись въ домѣ, я сталъ посѣщать всѣ сельскіе сходки, гдѣ старался освѣтить истинное положеніе дѣла. Когда мнѣ рассказали, что въ училищѣ привезенъ динамитъ и оружіе, я увѣренно отвѣчалъ: не вѣрите, товарищи, никакого тамъ оружія и динамита нѣтъ, а динамитъ набили вамъ въ головы враждующіе между собой люди. Я попросилъ выбрать нѣсколько человѣкъ и поручить мнѣ съ ними осмотрѣть страшныя мѣста. Такъ и сдѣлалъ. Съ разрѣшенія завѣдывающаго училищемъ мы осмотрѣли всѣ чердаки и подвалы, но ничего, конечно, не нашли. Послѣ этого крестьяне стали относиться ко мнѣ съ большимъ довѣріемъ. И когда собралась комиссія «семья» и пріѣхалъ судебный слѣдователь, мнѣ не стоило большого труда убѣдить ихъ, что все дѣло произошло на личной почвѣ. Этимъ все и кончилось, и наступило успокоеніе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. Кондратьевъ.

Хроника.

I.

Отрадный случай.

Вчера на собраніи паровозныхъ мастерскихъ Казанской ж. д. явились миссионеры и сообщали, что имъ предложили дать подписку въ томъ, что они будутъ исполнять всѣ приказанія совѣтской власти. Они отъ дачи подписки отказались, потому что считали, что это можетъ повести ихъ къ слѣдующему столкновенію съ рабочими, а они себя считаютъ теми же пролетаріями. Послѣ отказа отъ подписки, среди нихъ произведены аресты. Они обращаются къ рабочимъ съ просьбой оказать поддержку. Выслушавъ ихъ заявленіе, рабочіе постановили созвать въ ближайшее время собраніе противъ арестовъ и противъ подписки.

(Изъ газеты «Свободная Жизнь» отъ 5 Юля 1918 г.).

II.

Въ вегетарианской столовой.

9-го Юня въ столовой вегетарианскаго общества въ Газетномъ переулкѣ происходило обычное воскресное собраніе и собесѣдованіе подъ предсѣдательствомъ В. Г. Черткова.

Темой собесѣдованія была избрана старая, но жгучая и волнующая всѣхъ въ Москвѣ тема — о непрекращающихся казняхъ и разстрѣлахъ.

В. Г. Чертковъ сначала прочиталъ, какъ нѣкоторыя статьи по этому поводу Л. Н. Толстого, такъ и отрывки изъ его писемъ, еще не опубликованныхъ въ печати. Собраніе выразило желаніе еще разъ заявить протестъ противъ смертной казни.

Произведенное голосованіе выяснило, что изъ 189 присутствующихъ 185 голосуютъ противъ смертной казни, двое воздержались, а одна женщина голосовала за смертную казнь.

По предложенію В. Г. Черткова, собраніе просило, какъ поддержавшихся, такъ и голосовавшую за смертную казнь, не оказывать подлѣтства ихъ соображеніямъ.

Голосовавшая противъ отбѣны смертной казни, заявила, что по разнымъ причинамъ, она давать этихъ объясненій здѣсь не будетъ и ограничится только заявленіемъ, что теперь такая отбѣна была бы несвоевременной.

Воздержавшіеся отъ голосованія кратко объяснили, что они воздерживаются главнымъ образомъ потому, что не вѣрятъ въ плодотворность этихъ протестовъ.

Во время перерыва многіе обступили женщину (дамавку), голосовавшую за смертную казнь, и пытались хотя въ частной бесѣдѣ получить разъясненіе, какъ это она не только можетъ мириться съ этимъ варварствомъ, но даже протестуетъ противъ мысли о возможности отбѣны.

Протестовавшая оказалась увѣжденной революціонеркой и съ жаромъ и негодованіемъ говорила о козняхъ контр-революціи и о необходимости задушить эту контр-революцію и вырвать съ самымъ корнемъ.

— Ну хорошо. А вотъ вы сами тоже могли бы адушить, разстрѣлять или повѣсить?

Зачѣмъ вы про меня? Но это нужно. Контр-революціонеры всюду. Имъ переполнено даже и это собраніе, гдѣ они подъ видомъ человѣколюбивыхъ христіанъ защищаютъ враговъ революціи и народа.

— Такъ что и насъ надо бы разстрѣлять или повѣсить? И вы бы, напр., стали разстрѣливать или вѣшать хотя бы И. И. Горбунова и В. Г. Черткова?..

— Зачѣмъ же личности. Дѣло не въ отдельныхъ людяхъ. Собраніемъ была принята слѣдующая резолюція, которую постановлено было послать во всѣ органы печати:

«Собраніе постановило заявить самый рѣшительный протестъ противъ смертной казни. Оно выражаетъ свое чувство глубочайшаго отвращенія и негодованія противъ этого преступленія, имѣя ежедневно совершаемаго среди насъ.»

Обращаясь къ причастнымъ къ нему людямъ-братьямъ, собраніе призываетъ ихъ опомниться, пожалѣть своихъ жертвъ и свою собственную человѣческую душу и перестать участвовать въ этомъ пережиткѣ варварства, безусловно осуждаемому и клеймившему позоромъ всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ нашего времени.

Собраніе умоляетъ подписывающихся и совершающихъ смертныя казни прекратить ихъ безчеловѣчное дѣло, совершаемое отъ имени и будто бы въ интересахъ трудящагося народа, лучшей чувства котораго изъ самыхъ дѣлъ только оскорбляется этими вопиющими злодѣяніями.

Кромѣ В. Г. Чертова выступалъ Н. И. Горбуновъ, который страстно протестовалъ противъ совѣтскаго декрета о разстрѣлахъ контръ-революціонеровъ и спекулянтовъ и находилъ, что въ Москвѣ въ сущности подлѣ дѣйствіе этого декрета подходить буквально всѣ. Мѣшечникъ—это спекулянтъ. Но у мѣшечниковъ покупаютъ все жители Москвы, не желающіе умереть съ го-году и живущіе хотя нѣсколько десятковъ обезцѣненныхъ рублей,—свѣдѣтельно, всѣ они вольно или невольно потворствуютъ этой спекуляціи. Н. И. Горбуновъ признавалъ всѣхъ поглубже вдумавшись въ себѣ и вспоминая о единственной незамыслимой и священной цѣлности—цѣлности жизни человека.

„Толстой и русская революція.“

Лекція Н. Н. Гусева.

16 мая въ Москвѣ въ помѣщеніи бывшаго Благороднаго Собранія состоялась лекція Н. Н. Гусева: «Толстой и русская революція. Критика русскаго революціоннаго движенія съ точки зрѣнія вѣчныхъ идеаловъ правды и добра».

Цѣлью своей лекціи ставилъ отвѣтъ на вопросъ: «Что сказалъ бы Толстой по поводу всего теперь происходящаго, если бы онъ былъ живъ?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, лекторъ сдѣлалъ обзоръ главнѣйшихъ проявленій русскаго революціоннаго движенія съ точки міросозерцанія Толстого.

Главная, основная точка зрѣнія Толстого на всѣ политическія и общественныя событія, въ томъ числѣ и на революцію,—говорилъ лекторъ,—состоитъ въ томъ, что не можетъ быть полезно и благотвѣтельно для людей то, что несогласно съ законами добра. Только та дѣятельность, въ основу которой положено правило: не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь,—только такая дѣятельность можетъ улучшить общую жизнь. Съ этой точки зрѣнія война вѣщія никакъ не можетъ быть необходима и благотворна, какъ въ этомъ увѣряютъ оборонныя всѣхъ отъѣнковъ. Еще болѣе безнравственна и нецѣлесообразна внутренняя, такъ называемая «гражданская» война. Она не нужна потому, что рабочаго народа во много разъ больше, чѣмъ всѣхъ его угнетателей, вмѣстѣ взятыхъ. И потому рабочему народу не надо съ ними бороться, нужно только не поддерживать ихъ, не участвовать въ своемъ собственномъ угнетеніи.

Тѣмъ болѣе, что «гражданская» война приноситъ ужаснѣйшій вредъ и самому рабочему народу. Привыкнувъ къ мысли, что «буржуевъ» не нужно щадить, нужно ихъ безжалостно истреблять, люди терпятъ отвращеніе къ пролитію крови. А тѣ люди, которые потеряли отвращеніе къ пролитію крови, кончатъ неизбежно тѣмъ, что будутъ хладнокровно проливать кровь и своихъ товарищей рабочихъ. Если, какъ говорилъ Шпенглеръ, не можетъ быть добрымъ человѣкомъ тотъ, кто жестоко съ животными; то навѣрное можно сказать, что тотъ, кто рѣжетъ «буржуевъ», такъ загрубѣвъ душою, что будетъ рѣзать и пролетаріевъ. Какъ сказалъ Герценъ, великіе перевороты не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей.

Касаясь вопроса о принципѣ совѣтской власти и выборнаго начала вообще, лекторъ сказалъ, что въ выборный должности не всегда проходятъ лучшіе люди даже тогда, когда выборы произведены вполне правильно. Это потому, что толпа, большинство, не всегда можетъ оцѣнить самыхъ лучшихъ людей. Чаще всего самые выдающіеся люди бывали непоняты при своей жизни и терпѣли гоненія. Поэтому нельзя думать, что выборные представители власти всегда бываютъ самые лучшіе, самые достойные, способные и самоотверженные люди. Кромѣ того, всякая власть портитъ людей.

Изъ злоупотреблѣній совѣтской власти лекторъ особенно подробно коснулся вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства. Если вѣдѣть,—говорилъ онъ,—насиліе оказывается бесполезно и не приводитъ къ тѣмъ результатамъ, ради которыхъ она применяется, то всего болѣе насиліе бесплодно въ дѣлахъ вѣры. Всякая религія, противъ которой воздвигалось гоненіе, только крѣпится отъ этихъ гоненій. Такъ бывало съ первобытнымъ христіанствомъ, такъ было и съ расколомъ, такъ происходитъ теперь и съ православіемъ. То, что запрещено въ школахъ преподаваніе, такъ называемого «Закона Божьяго», что дѣлаются насилія надъ свеще-иницами,—все это только укрѣпляетъ православіе, а не ослабляетъ его. Съ суевѣрїями можно бороться только путемъ разумнаго убѣжденія, а никакъ не путемъ насилія.

Никакое преобразование общества не можетъ быть проведено насиліемъ. Насиліиственный коммунизмъ не можетъ быть проченъ. Настоящій коммунизмъ—тотъ, про который говорится въ «Дѣяніяхъ апостоловъ»: «У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее».

Дѣйствительность какъ нельзя болѣе оправдываетъ слова Толстого, что жизнь людей только тогда станетъ лучше, когда люди сами станутъ лучше. Это мы видимъ теперь: формы жизни вѣщше измѣнились, но жизнь людская не стала лучше, потому что люди не стали лучше.

26 мая та же лекція была повторена по просьбѣ рабочихъ на заводѣ Михельсона. И хотя одновременно съ этой платной (въ пользу О-ва истинной Свободы) лекціей была почему-то назначена бесплатная большевистская лекція объ отдѣленіи Церкви отъ Государства и въ томъ же самомъ помѣщеніи, которое было предназначено для лекцій Н. Н. Гусева,—последняя привлекла все же большее число слушателей.

Собранія.

Въ помѣщеніи Центральной Столовой Московскаго Вегетарианскаго Общества. (Тверская, Газетный пер. д. 12), два раза въ недѣлю происходятъ собранія, на которыхъ излагается и обсуждается то свободно-христіанское жизнепониманіе, которое принято называть «толстовскимъ ученіемъ».

По воскресеньямъ, собесѣдованія эти ведутся при участіи В. Г. Чертова и состоятъ изъ всеступительнаго чтенія, докладовъ или лекцій и обмена мыслей. (Начало въ 6 час. вечера).

По четвергамъ, Ф. А. Страховъ болѣе подробно знакомитъ съ тѣмъ же жизнепониманіемъ по выдержкамъ изъ готовящейся къ печати систематической энциклопедіи или «Свода мыслей» Л. Н. Толстого. (Начало въ 7^{1/2} часовъ вечера).

Входъ на собранія бесплатный.

Отъ редакціи

Этотъ выпускъ нашего изданія былъ уже свѣтѣмъ готовъ къ печати, когда опубликовано было извѣстіе объ убійствѣ бывшаго царя. По поводу этого мы надѣемся высказаться въ слѣдующемъ номерѣ.

Съ прошлаго выпуска № 1 (7) наше повременное изданіе: **„Голосъ Толстого и Единеніе“** вступилъ во второй годъ своего существованія; при чемъ мы получили возможность выпускать дальнѣйшіе номера **периодически**, черезъ каждыя **два недѣли** (приблизительно каждыя 1-ое и 15-ое числа мѣсяца).

Периодическій выходъ обуславливаетъ теперь возможность приѣма подписки на изданіе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 12 номеровъ начиная съ этого № 1 (7), **8 р. 40 к.**, на 6 номеровъ **4 р. 20 к.** (Съ пересылкой).

Просимъ обращать вниманіе на новый адресъ Конторы Издательства: Москва, Тверская, Благотѣльщій пер., д. 5. Издательство „СВОБОДА“, въ Контору (или Редакцію) „ЕДИНЕНІЕ“.

Корреспонденцію для Редакціи слѣдуетъ направлять по этому же адресу.

Печатается и скоро выйдеть въ свѣтъ:

„Дневникъ Л. Н. Толстого“.

томъ II, (1900—1903 г.г.)

Поступило въ продажу.

2-ое изданіе

„Евангеліе въ изложеніи и съ примѣчаніями“

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Цѣна 6 руб.